

Комитет по делам архивов Пермской области
Государственное областное учреждение
«Государственный архив Пермской области»

*60-летию Победы
посвящается*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ

Пермь – 2004

Комитет по делам архивов Пермской области
Государственное областное учреждение
«Государственный архив Пермской области»

*60-летию Победы
посвящается*

ВОЙНА ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ

Пермь – 2004

**Составитель-редактор:
В.Г. Светлаков, заместитель начальника
научно-издательского отдела
Государственного архива Пермской области,
кандидат исторических наук**

**© Государственное областное учреждение
«Государственный архив Пермской области»**

ЖЕНЩИНЫ МОЕЙ СТРАНЫ

Нет в истории периодов, которые находились бы в стороне от столбовой дороги познания прошлого, но ни один из них ни притягивает к себе так внимание, волнуется память, душу и сердце, как Великая Отечественная война советского народа против фашистской Германии и ее союзников. И это закономерно: история мировой цивилизации не знала более разрушительной войны по своим масштабам и последствиям, чем эта война. Сегодня находится немало любителей поставить историю советского периода вверх ногами, уверяя нас в том, что было все не так, что все было преувеличено, если речь шла о достижениях СССР, или, наоборот, все было преуменьшено, если речь шла о недостатках.

Факты – упрямая вещь. Архивы хранят бесценные свидетельства периода Великой Отечественной войны о неимоверных трудностях и массовом героизме советских людей на фронте и в тылу, о благородстве и подлости людской. Лозунг «Все для фронта, все для Победы!» стал лейтмотивом жизни страны, общества, каждого советского человека.

Война – это всегда тяжелое испытание для страны, ее народа. Но едва ли не самые тяжелые испытания выпадают на долю женщин и детей. Невозможно представить нашу Победу в годы войны без участия женщин на полях сражений, без работы на станке, в поле, в забое, в операционной, у школьной доски... Да разве все можно перечислить?! В годы войны не было такой военной или гражданской профессии, которыми не овладели советские женщины, не было таких участков на производстве, где бы не работали женщины и молодежь, проявляя твердость, настойчивость в решении поставленных задач, инициативу в поиске резервов производства.

Замечательный советский поэт А.А. Д'актиль сказал об этом просто и вдохновенно в стихотворении «Женщина моей страны»:

Тебя мы знаем, благодарно помним
И любим с отдаленнейших времен –
Под тысячами бесконечно скромных
И бесконечно дорогих имен¹.

Общие закономерности истории страны зримо проявились и на примере судеб женщин и детей Молотовской (ныне Пермской) области. Вот несколько фактов на эту тему, присущие и всем другим регионам великой страны. Как известно, на призыв ВКП(б) встать на защиту своей социалистической Родины, откликнулся, как один, весь советский народ, в их числе женщины и молодежь. Так, с 28 июня по 12 июля 1941 года в партийные, комсомольские органы и райгорвоенкоматы области поступило 10569 заявлений женщин и девушек Прикамья². 22 сентября 1941 года в областном центре состоялся антифашистский митинг. В нем участвовало 1350 человек, выступило 18 человек: стахановки, представители интеллигенции, работники науки и искусства. Было принято Обращение «К женщинам Молотовской области». В нем есть проникновенные слова: «Пусть каждая женщина сможет с гордостью заявить: в дни разгрома фашистской гадины... я выполнила долг женщины и матери,

¹ Цит.: Колбас В.С. Страницы жизни поэта А.А. Д'актиля. – Пермь, 1993. – С.13, 14.

² ГОПАПО. Ф.1. Оп.22. Д.125. Л.287.

борясь против кровавого гитлеризма, уничтожающего свободу женщины, ввергающего ее в рабство»³. В связи с массовой мобилизацией мужчин в РККА, все отрасли народного хозяйства страны стали испытывать острый дефицит в рабочей силе: на рабочие места отцов, мужей, братьев и сыновей пришли вчерашние домохозяйки, пенсионеры, молодежь и даже подростки. Только по призыву комсомола воинами стали свыше 550 тысяч патриотов, более 300 тысяч женщин было призвано в войска ПВО (свыше ¼ всех бойцов), сотни тысяч пришли на службу в военно-медицинские учреждения санитарной службы Красной Армии, войска связи, дорожные части. 14 апреля 1942 года эшелон девушек (2,5 тысячи человек) из города Молотова был отправлен на защиту Москвы. Среди них – зенитные пулеметчики, наблюдатели-разведчики, связисты, медсестры.

За 1941 – 1945 годы число женщин среди рабочих и служащих увеличилось более чем на 15 миллионов человек (56% от общего числа работающих). В сельском хозяйстве женщины составляли 75% всех тружеников. В 1942 году в отдельных отраслях оборонной промышленности женщин насчитывалось в процентном отношении: в авиационной – 40,9%, в производстве вооружения – 45%, танков – 32%, минометного вооружения – 53,6%, боеприпасов – 53,8% , в судостроении – 39,5%, в станкостроении – 46,9%⁴. То же самое наблюдалось на предприятиях и в отраслях народного хозяйства Молотовской области. Так, женщины на Чусовском металлургическом заводе составляли 51% к числу работающих, в том числе 18% ИТР⁵. Война вызвала изменения не только в численности рабочего класса, но и в соотношении между квалифицированными и неквалифицированными кадрами, в возрастном и половом отношениях. Стремительное пополнение рабочего класса новыми кадрами обусловили интенсивный процесс его омоложения. Если в 1940 году на предприятиях было занято 6 % молодежи до 18 лет, то в 1941 году ее удельный вес возрос до 15 %. На 15 декабря 1942 года на промышленных предприятиях и стройках было занято свыше 1,2 миллиона человек этой категории⁶. Проявление трудового героизма стало нормой жизни советских женщин военной поры, он явился одним из неиссякаемых источников сил советской экономики. Например, на шахте им. Урицкого навалотбойщица Н. Миненкова выработывала за смену вместо 12 тонн 18. Машинист электровоза этой шахты З. Прокофьева ежедневно перевозила за смену 200 тонн угля вместо 130 по норме. Фрезеровщица завода им. Сталина Михалева постоянно выполняла две нормы. М. Чугаева, первая женщина – бурильщица на Краснокамском нефтепромысле № 171, за свой ударный труд в 1945 году была удостоена ордена Ленина. Отмечен орденом Ленина и труд Н.И. Лумповой, станочницы Лысьвенского металлургического завода. Широкой известностью у речников пользовалось имя Афанасии Ивановны Шеиной, для которой, казалось, не существовало трудностей: она выходила из любого положения. Нарком речного флота приглашал АИ. Шеину в Москву для передачи опыта работы другим. Колхозники сельхозарте-

³ ГОПАПО, Ф.105. Оп.12. Д.126. Л.8, 9; «Звезда». – 1941. – 23, 24, 26 сентября.

⁴ Великая Отечественная война 1941-1945. Энциклопедия. – М. – 1985. С.270.

⁵ ГОПАПО, Ф.1241. Оп.11. Д.442. Л.18.

⁶ Урал в период Великой Отечественной войны. Свердловск.-1986.-С.55.

ли «Смычка» Гайнского района Евдокия и Анна Шипицыны на рубке леса в зимний сезон 1942 – 1943 годов ежедневно выполняли по полторы – две нормы⁷.

Весной 1942 года по инициативе трактористок Ставрополя развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование женских тракторных бригад и трактористок. В 1942 году в нем участвовало 3932 бригады и 164775 трактористок, в 1945 году – около 25 тысяч бригад. Участвуя в этом соревновании, 11 тружениц колхозной нивы Прикамья завоевали почетное звание «Лучшая трактористка Советского Союза», в их числе Л.Г. Семерикова, П.Г. Щербинина, Ф.А. Щербинина (Ординский район), А.И. Подеева, Р.А. Стяжкова (Березовский район), А.И. Верзакова, А.Н. Корякина (Суксунский район), А.Г. Бочкарева, А.Я. Жуланова (Частинский район), А.А. Кузнецова (Фокинский, ныне Чайковский район), Т.И. Малых (Кунгурский район)⁸.

Активное участие в укреплении Фонда обороны приняли участии трудящиеся Молотовской области, передавшие к февралю 1943 года на изготовление боевой техники 185 миллионов рублей. 15 человек из Прикамья, в их числе К.М. Склюева, трактористка Кунгурской МТС, К.Т. Синегубова, заведующая фермой колхоза «Красный трудовик» Черновского (Большесосновского) района, М. И. Яковлева, трактористка тракторной бригады колхоза Ромашинский Сивинского района, М.П. Белобородова, учительница Платошинской школы Кунгурского района, внесли в Фонд обороны каждый по 100 тысяч и более рублей⁹.

В годы войны возросла роль женщин в социально – политической сфере жизни общества. Так, в октябре 1944 года женщины составляли 55,5 % аппарата Верховного Совета и СНК союзных республик, 60,9 % - аппарата облисполкомов и крайисполкомов, 59,8% - горрайисполкомов, 76,5 % - сельских и поселковых Советов. В 1942 году в аппарате Молотовского обкома ВКП(б) работало свыше 53 % женщин от общего состава сотрудников¹⁰. Женщины возглавляли важные участки партийной, советской и хозяйственной деятельности. Так, В.М. Балкова являлась секретарем обкома партии по боеприпасам, З.Ф. Кондюрина – заведующей сектором пропаганды обкома ВКП(б), затем заместителем председателя облисполкома по вопросам культуры, А.Г. Упорова - председатель Молотовского горисполкома. З.П. Семенова возглавляла сначала Соликамский, а затем Березниковский горкомы ВКП(б), впоследствии секретарь обкома партии по кадрам.

Оценивая подвиг женщин в годы войны, И.В. Сталин отмечал: «Навсегда войдут в историю беспримерные трудовые подвиги советских женщин и нашей славной молодежи, вынесших на своих плечах основную тяжесть труда на фабриках и заводах, в колхозах и совхозах. Во имя чести и независимости Родины советские женщины, юноши и девушки проявляют доблесть и героизм на фронте труда. Они оказались достойными своих отцов и сыновей, мужчин и братьев, защищающих Ро-

⁷ См. В.Г. Светлаков, А.Г. Наумова. Во имя чести и независимости Родины... Научно-практическая конференция, посвященная 45-летию Победы. – Пермь, 1990. – С.52-53.

⁸ Там же. – С.53.

⁹ Там же. – С.53.

¹⁰ Там же. – С.53.

дину от немецко-фашистских извергов»¹¹. Не случайно многие политики и ученые считают работу женщин в тылу вторым фронтом против фашистской Германии.

Невозможно переоценить вклад женщин в Победу на фронте. Не было такой военной профессии, которой не овладели бы женщины, не было такого участка фронта на земле, в воздухе и на воде, где нельзя было встретить женщин, в том числе из Пермского края. Невозможно перечесть все воинские профессии, которыми овладели советские женщины: врачи, медсестры, летчицы, связисты... Наравне с мужчинами они стойко переносили все невзгоды войны и тяготы военной службы, проявляя выдержку, мужество, героизм и доблесть.

Так, многие женщины овладели в годы войны профессией снайпера. Они уничтожили около 12 тысяч фашистских солдат и офицеров, то есть целую дивизию гитлеровцев. Сотни метких выстрелов на боевом счету Л. Бесединой из Березников, А.А. Оняновой из Соликамска, Л.М. Макаровой из Перми. Тысячи километров проехали по фронтовым дорогам В.С. Арсеньева из Березников и А.А. Артомонова из Краснокамска. Пермьячка А.И. Якимова возила по легендарной ледовой трассе, известной всему миру как «дорога жизни», в Ленинград провиант, медикаменты, вооружение и боеприпасы, а из осажденного города раненых, больных, детей и стариков. Мария Ивановна Лагунова, уроженка Кунгура, в годы войны механик – водитель танка «Т – 34», после ранения лишилась обеих ног, но продолжала воевать¹². В 46-м гвардейском Таманском полку ночных бомбардировщиков служила штурманом уроженка Верхне-Чусовских городков Руфина Гашева. Старший лейтенант Гашева совершила 848 вылетов. В составе ВВС страны служили Т.И. Костина из Молотова, Л.А. Черницына из Кунгура, Н.Н. Фомина из Соликамска, П.Г. Тяпина из Чусового и другие. Московское небо охраняли пермячки Л.А. Пономарева, Л.Г. Чудинова, жительница Краснокамска Е.Т. Субботина. Только из Березников в войсках ПВО служило 100 девушек¹³. И среди партизан было немало людей, связанных с Прикамьем: Т.Ф. Спешкова из Соликамска, Н. Каштанова, М.А. Лобова из Молотова и другие. Из них Вера Захаровна Хоружая и Татьяна Николаевна Барамзина были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В. Бирюкова из Березников, заброшенная в тыл врага и окруженная, взорвала себя гранатой и напавших на нее фрицев. Связисты Е. Мартемьянова из Сылвы, П.Е. Кулакова из Барды, З.Я. Обносова из Молотова, А.С. Захарова из Верхне-Муллинского (Пермского) района в составе сводного женского полка связи были удостоены чести участвовать в Параде Победы. И этот перечень славных дел не имеет конца.

Каждый новый день приближает нас к знаменательному событию – к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Цена Победы неимоверно велика, чтобы мы могли забыть о ней. Чтобы не уподобляться Иванам, не помнящим родства, Государственный архив Пермской области делал и продолжает делать все для того, чтобы не прервалась времен, связующая нить. К 60-летию разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом и к 60-летию полного снятия блокады Ленинграда архив провел два «круглых стола»: «Великая битва на Волге» и

¹¹ И.В. Сталин. – Соч. Т. 15. С.197.

¹² Вечерняя Пермь. – 1985.- 7 мая

¹³ Там же.

«Никто не забыт, ничто не забыто». До мая 2005 года в планах архива предусмотрено издать несколько сборников, в том числе «Пермская область накануне Великой Отечественной войны» и «Пермская область в годы Великой Отечественной войны».

В июне 2004 г. в архиве состоялась встреча «Война глазами женщин и детей». В ней приняло участие несколько десятков человек, прошедших по дорогам войны, главным образом, медицинских работников, «сынов полков», людей, чей трудовой стаж начался в подростковом возрасте, чье детство и юность были опалены войной.

Проведение встречи стало заметным явлением в общественной и культурной жизни Прикамья в ходе подготовки к знаменательному юбилею – к 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Даже название встречи говорит само за себя, акцентирует внимание на женщинах и детях в условиях войны. Сказать, что об этом не писалось или не говорилось раньше, это не так. Другое дело, что в такой постановке, в таком аспекте вопрос стоял впервые.

Состоялся заинтересованный разговор, равнодушных не было. Атмосфера, царившая на встрече, располагала к задушевной беседе, откровенности. На глазах у многих слезы, комок, подкатывающий к горлу, мешал говорить. При всем том, что воспоминания были индивидуальны, они отразили общие закономерности жизни советских людей тех грозных лет: общая беда объединила всех, как в песне: «и хлеба горбушка и та пополам». Суровые условия войны проявили лучшие черты характера советских людей: их волю к победе, упорство в решении поставленных задач, в преодолении трудностей, самопожертвование во имя других, готовность протянуть руку помощи, подставить свое плечо. Вместе с тем, были и такие, кто мечтал о поражении Советской власти в войне, кто пытался нажиться на лишениях народа, рожденных войной, занимаясь спекуляцией, воровством, грабежом, разбоем.

Темы выступлений участников встречи условно можно разделить на несколько блоков: это воспоминания об участии в войне, об эвакуации в Прикамье, работе на промышленных объектах, в учреждениях, организациях области, о своей семье, восприятии окружающего мира глазами ребенка, пребывании в фашистских концентрационных лагерях для малолетних узников.

Все воспоминания читаются на одном дыхании: сколько в них суровой правды о войне, «о времени и о себе»! А ведь это не развернутые мемуары о войне и судьбе человека, это время, спрессованное на нескольких листочках бумаги. Это чистый родник правды, который не замутило время. И за это нельзя быть не благодарным людям, донесших до нас обжигающее дыхание времени, не поступивших своими принципами и гражданским долгом, сохранившими свое достоинство. Спасибо всем им за это!

Эта память, запечатленная в нашем сборнике, будет жить всегда во времени пока вертится Земля, даря новым поколениям радость от общения с поколением победителей, спасших честь и независимость нашей великой Родины, спасших мир от фашистских погромщиков.

В.Г. Светлаков

ПО ДОРОГАМ ВОЙНЫ С ДВЕНАДЦАТИ ЛЕТ

В 1941 г. в начале войны немцы были недалеко от города Павлограда Днепропетровской области и нам предложили эвакуироваться. Но порядок был строгий, кроме вещей первой необходимости, брать с собой ничего было нельзя. Поскольку младшей сестре было четыре месяца, то вместо меня в вагон была взята перина. Я с отцом остался в городе. Через неделю, отца направили за 40 км подрывать цистерны с горючим. Немцы начали обходить город, и отец остался по ту сторону фронта. Меня забрали с собой зенитчики Прутской военной флотилии, стоявшие у нас в огороде с пушками.

Отойдя от города 12 км, мы попали под массированную бомбежку и разбежались кто куда смог. После бомбежки я увидел людей в казачьей форме, собирающих в поле своих лошадей. Это были кавалеристы 1-го гв. кавкорпуса генерала Белова. Так я стал сыном 8-го кавалерийского полка. Меня переодели в форму кавалерии и я носил даже красные лампасы, как генерал. В то время, и до конца войны, мы все носили лампасы.

К сентябрю 1941 г. мы подошли к Киеву, но здесь нас срочно погрузили в эшелоны и отправили под Тулу. Заняли оборону и находились здесь до октября 1941 г. Затем нас быстрым маршем направили под Москву, в район г. Кашира. В этом районе нас и застала зимняя стужа. Весь личный состав был одет по летнему, т.е. кубанки на голове, черески из байки и бурки казачьи. Чтобы не так мерзли, выдали белые простынные маскхалаты.

Меня обустроили в пункт сбора донесений при штабе 2-ой гвардейской дивизии. За бой под Каширой нам первым из тринадцати кавалерийских корпусов, 27 ноября 1941 г. было присвоено гвардейское звание. За выполнение своей службы меня перевели в эскадрон разведки, где я закончил войну в 1945 г. Выполнял и разведздания, когда меня передевали в гражданскую форму, и в паре такого же, как я, сына смежного полка, посылали в тыл к немцам. Это было в 1943 г. под Киевом, за выполнение этого задания, мы были награждены медалями «За отвагу».

В составе 1-го Украинского фронта освобождали Украину, и в районе г. Перемышля вошли в Польшу. Находясь в тылу у немцев, в Карпатах, будучи направленным в разведку, по пути движения дивизии, мы вдвоем, с солдатом нашего разведэскадрона, попали в засаду немцев. Будучи раненым в руку, я, притаившись в канаве, увидел как все немцы ушли, а один вернулся и хотел обыскать и добить раненного моего напарника. Выйдя из укрытия, я наставил на немца «парабеллум», заставил его взять раненного на себя и нести. Через 200-300 метров мы увидели подходивших наших солдат. За пленение немца и спасение раненного, был награжден медалью «За боевые заслуги». В последних боях под Бреслау, был награжден орденом «Красная звезда» и орденом «Отечественной войны» II степени.

Войну закончил в г. Берлине. В связи с тем, что мой возраст был 15 лет, в декабре 1945 г. меня уволили в запас Советской Армии.

Так как я не знал, где мои родители, то приехал в Москву к родственникам, где узнал, что родители проживают в эвакуации в г. Оренбурге. Приехав к ним, устроился работать учеником токаря и поступил в 4 класс вечерней школы. За 3 года закончил 7 классов и в 1949 году был призван вновь в ряды Советской Армии и направлен в военное училище в г. Харьков. После его окончания до 1977 года служил на различных командных должностях, и в 1977 г. с должности командира части, уволен в звании полковника.

Г.Л. Кузнецов

ШТРИХИ МОЕЙ БИОГРАФИИ ВОЕННОЙ ПОРЫ

Воспитанником полкового духового оркестра был принят в феврале 1940 года. Уже в то время, я помню, что многие среди военных полка говорили, что будет война. В полку часто устраивались ночные тревоги, марш-броски, различные стрельбы и т.д.

11 июня 1941 г. наш полк, в том числе и я, пешим маршем из г. Полоцка Витебской области вышел в лагерь, в район г. Лида (Западная Белоруссия). Хорошо запомнил, как жены командиров полка, провожая их, плакали и приговаривали: «Идут на войну; будет война».

18 июня 1941 г. полк прибыл в пункт лагеря западнее г. Лиды, местечко Трабы, и расположился в лесном массиве в палатках. Вокруг было немало пехотных частей. Проводились разные занятия. 22 июня 1941 г. часов около 12 дня была объявлена боевая тревога. Полк был собран на огромную лесную поляну, куда прибыл командир генерал-майор Бацанов Т.К., командир полка полковник Мишагин А.И., комиссар полка батальонный комиссар Степанов И.А.. Командир дивизии сделал сообщение о вероломном нападении фашистской Германии на СССР. Началась война.

Всю ночь 23 июня 1941 г. полк двигался на запад и к утру занял на отведенном участке оборону. Где-то к 11 часам полк вступил в бой с наступающими войсками противника. Мне тогда казалось, что эта перестрелка не надолго. Война должна кончиться. Но немцы все больше и активнее вели минометный огонь, а у нас в полку минометы стояли в лесу, не было мин.

С началом боев, музвзвод распределили санитарями, я оставался юным санитаром и был все время около капельмейстера (военного дирижера) Береславцева Леонида Николаевича. К концу дня 23 июня, в полку было около пяти убитых красноармейцев и немало раненных. Я присутствовал при захоронении в общую могилу убитых красноармейцев, мне стало страшновато, накатывались слезы.

Утро 24 июня началось с налета немецких самолетов, которые на низкой высоте бросали бомбы и вели пулеметный огонь. Людских потерь было немного. Я укрылся в своей сидячей ячейке и видел как от самолетов отделялись небольшие бомбы. Одна из бомб разорвалась почти рядом с моим укрытием и меня засыпало грунтом.

В районе г. Дзержинска, в 35 км от Минска, командир полка Мишагин А.И. разбил остатки полка на группы по 5-6 человек и поставил задачу: самостоятельно двигаться на восток. Я был прикреплен командиром полка к группе, в которой был ординарец командира. Что было дальше, какова судьба командира полка, ничего не известно. Мои розыски через газету «Красная Звезда» и архив, кадры Министерства обороны результатов не дали.

Я был оставлен на оккупированной территории Белоруссии. В феврале 1943 г. я вступил в партизаны и до августа 1944 г. являлся юным партизаном Белоруссии отряда № 4 партизанской бригады «Октябрь». Принимал непосредственное участие во многих боевых операциях. В марте 1944 г. в ночном бою при разгроме немецкого гарнизона Шипы был ранен.

За участие в партизанском движении Белоруссии, в боях с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага был награжден орденом «Красной Звезды», орденом Отечественной войны I степени, медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За боевые заслуги» и др.

После соединения с регулярными частями Красной Армии и освобождения от немецко-фашистских захватчиков Белоруссии до декабря 1944 г. работал в Плисском районе Витебской области инспектором районо, являлся членом райкома комсомола, восстанавливал работу одного из сельских Советов.

В декабре 1944 г. добровольцем ушел в ряды Красной армии и прослужил в кадрах Вооруженных сил до февраля 1988 г.

Т.И. Немченко

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ ФЕЛЬДШЕРА

В 1932 г. наша семья из России переехала в Киргизию, тогда республика нуждалась в кадрах, рабочей силе. Окончила 7 класс, поступила в медшколу. При ее окончании в 1942 году получила звание фельдшера и была направлена в инфекционное отделение городской больницы на должность медсестры.

Война ворвалась в наш город плачем провожавших на фронт отцов, мужей, братьев и сыновей и даже, как позже случилось со мной, и дочерей. В городе появились эвакуированные, которые распределялись среди жителей. Моя мать предоставила одну из двух, лучшую комнату одной такой семье в нашем маленьком домике с земляным полом и с вечно протекающей камышовой крышей. Она учила их быту военного времени: как топить буржуйку кирпичом, замоченным в керосине и т.д. Мой больной отец был взят в трудовую армию. Весь период военного времени лег на плечи матери, которая работала грузчиком на табачной фабрике, чтобы получить хлебную карточку на 800 грамм хлеба ежедневно. Братья 14 и 16 лет учились в ремесленном училище, а позже они стали работать на военном заводе, до конца войны. К нам были эвакуированы военные заводы из Ворошиловграда и Брянска. Ежедневно прибывало в город их оборудование, которое сбрасывалось напротив ремонтного завода, вдоль полотна железной дороги. Потом на базе этого завода был

построен военный завод № 60, который выпускал военную продукцию. Заработал он быстро, как этого требовало время, и мы могли часто слышать пулеметные очереди или автоматные на их стрельбище, где проходили испытания продукции. Население из близлежащих домов и мы, подростки, принимали активное участие в разгрузке грузов, без всяких приказов, по собственной инициативе таскали свинцовые «чушки» волоком на парусине или мешковине.

7 мая 1943 г. я получила повестку из военкомата, там сразу же отобрали команду девушек-фельдшеров из 16 человек. Прошли медкомиссию, нам вручили документы о присвоении звания младших лейтенантов медицинской службы, выдали продовольственные аттестаты и на другой день отправили нас на фронт. Мы попали в подчинение девушки, видимо, лейтенанта, в военной форме, которая стала нашей сопровождающей до места назначения в санитарный отдел Воронежского фронта, ст. Лиски. Там нас распределили, меня направили в инфекционный фронтовой госпиталь ИГ 43-18 г. Старый Оскол, куда я добралась в кузове грузовика. Остальные девушки были направлены в войсковые части, в медсанбаты. Многих из нашей команды я знала по школе, по работе в больнице, а вот вернулась после войны 15, одна из нас, Екатерина Олейник, погибла. Двое или трое имели ранения. Я же прослужила в госпитале до его ликвидации в сентябре 1946 г. в г. Будапеште.

Прибыв в г. Старый Оскол, я нашла госпиталь не сразу, все здания были полуразрушены, а я искала тот госпиталь, который видела во Фрунзе весь в огнях, цветах, куда нескончаемым потоком бегали школьники с фруктами и бабушки с пирожочками, цветами. Здесь же, в здании полуразрушенной 3-этажной школы, меня зачислили в штат госпиталя. Прошла санпропускник, надела выданное мне военное обмундирование, новое х/б, юбку, гимнастерку, пилотку, шапку, шинель, сапоги (все они были только 38 размера) и отправилась в столовую, где меня поразил обед: наваристый суп с плавающей американской тушенкой (которую получал СССР по ленд-лизу) и везде лежал на столе хлеб (уже без карточек).

Здесь я должна сказать о том, что в течении нашего следования, почти месяц, мы несколько раз проходили в больших городах при вокзалах санпропускники, это было приказом военного времени и безусловная дисциплина, нас кормили на каждой станции, согласно нашим аттестатам, в столовых вокзалов.

В первый же вечер своего пребывания в госпитале, я «приняла боевое крещение» – ровно в 21.00 послышался незнакомый с подвыванием гул многих самолетов (потом мы уже безошибочно определяли этот звук летящего немецкого самолета). Настолько были пунктуальными эти налеты по времени, что девушки даже сверяли их по своим часам. Противник навесил осветительных ракет в основном в районе железнодорожного вокзала и начал жестокую бомбежку. От страха и ужаса я не могла сдвинуться с места, помогла команда начальника отделения: «Быстро переносить больных с этажей в подвал», что мы и стали делать. Кого вдвоем на руках, кого своим ходом, поддерживая, кого на носилках или на плечах. И так все дни пребывания в Старом Осколе. А после бомбежки поднимали больных уже в обратном порядке.

Двигаясь за войсками, фронт, согласно направлению, стал уже I Украинским, а впоследствии, когда пересекли границу Польши, Германии, он именовался ЦГВ – центральной группой войск.

Наш 100-коечный инфекционный фронтальной госпиталь на ходу перестраивался, приходилось почти всегда развешивать палаты в непригодных помещениях, чаще в полуразрушенных зданиях, организовывать боксы для каждого вида инфекции, оборудовать их определенным маркированным оборудованием (умывальники, параша, судна, посуда, халаты) и так же все мыть, дезинфицировать, когда снова надо было переезжать. Самое большое по количеству дней стоянки на одном месте зависело от движения войск, в основном 15-20 дней и так снова и снова, казалось до бесконечности.

Нашими пациентами были больные сыпным, брюшным, возвратным тифами, дизентерией, болезнью Боткина, столбняком (были единичные случаи). Основным звеном в госпитале был приемный блок, где был строжайший порядок, которому были подчинены все, от парикмахера до врачей. Стрижка под ноль была законом для всех поступающих, во избежание передачи инфекций (сыпной тиф передается через укусы вшей), помывка, осмотр врачами, сдача в дезинфекцию вещей и сдача заполниту документов, орденов, медалей и домашних адресов и места службы.

Опишу один случай. В 1944 г. в г. Проскурове (ныне Хмельницкий) базировалась недалеко от нас интернациональная бригада чехословаков под командованием генерала Л. Слободы. В расположении их части был колодезь, откуда брали воду, и вот там был совершен акт диверсии – заражение воды микробами, вызывающими токсическую дизентерию, т.к. инкубационный период у нее короткий, видимо, поэтому выбор остановили на ней. И вот в наш госпиталь, буквально пачками, стали поступать солдаты и офицеры бригады с тяжелой формой этого заболевания. Чтобы предотвратить эпидемию в городе, нам пришлось быстро дополнительно развешивать палаты рядом со стоящими частными домами. Порядок и строгая дисциплина самих больных позволили нам быстро ликвидировать этот очаг инфекции. Благодарные чехи прислали в госпиталь свой ансамбль, который дал концерт для выздоравливающих и персонала.

День Победы мы встретили в Германии в г. Зорау, когда ночью были разбужены буквально ураганным огнем, били со всех видов оружия, плакали, обнимались. Утром праздника у нас не получилось, т.к. навезли больных – вчерашних наших врагов, грязных, небритых, вшивых. Это были не только немцы, но и венгры, итальянцы, поляки, румыны, которые до последних дней прислуживали у немцев. Вот мы их стригли, брили, делали им уколы, укладывали на чистые постели, кормили. А вечером, валясь с ног от усталости, нам было не до праздничного обеда со 100 граммами (как тогда говорили).

После войны сразу началась массовая демобилизация и ликвидация госпиталей. Наш госпиталь передислоцировали в Венгрию, г. Будапешт. Там на базе туберкулезного санатория мы развернули госпиталь, заняв все корпуса, т.к. нам были переданы больные на долечивание со всех госпиталей. Демобилизовалась я и вся наша ликвидационная комиссия, сдававшая материальную часть, документы после выписки всех больных, в сентябре 1946 г. Во время прохождения через Польшу, Германию и проживая почти полтора года в Будапеште, мы чувствовали восторженное отношение к нам как к победителям, которые освободили пол-Европы от фашистского ига, и мы гордились нашей Родиной.

ЭХ, ПУТЬ-ДОРОЖКА, ФРОНТОВАЯ...

Война застала меня в должности мастера молочной промышленности, - прекрасная мирная профессия. По призыву комсомола добровольно я изъявила желание идти в армию. Мой папа был уже на фронте, ранен. Работала я от дома за 200 км и, пока я приехала в свое село Уткуз, мои сослуживцы собрали мне солдатскую котомку: теплые носки, варежки, печеные изделия. Это был май 1942 года.

Отправили меня в военную школу (ШМАС) – школу младших авиаспециалистов. По окончании получила профессию «вооруженик самолета». После гражданской жизни было очень тяжело. Подъем в 5 утра, полив овощей на плантации школы, занятия по строевой, затем занятия по профессии. Изучали все виды авиационных бомб, к ним все взрыватели, пушки – их 2, пулеметы – 2 и РС – ракетные снаряды, их было по 8 штук под каждым крылом (плоскостью).

Как нас «гоняли»! Преподаватель бегаёт от бомбы к бомбе, показывает одну за другой и нужно очень быстро ее назвать, т.е. это бронейная или фугасная, или осколочная, светящаяся и т.д., и тут же назвать взрыватель.

Учились 2 месяца и сразу на Сталинградский фронт. Вот где было жарко! Летали иногда по 7-10 раз в сутки. Мы не успеваем вытереть пот и распрямиться, как слышим знакомый звук. Все внимание к небу. Как только сядут и встанут на свои стоянки самолеты, сразу видим, чья стоянка пустая, кого сбили. Как было тяжело всем, а мы, девчонки, заливались слезами. Только что были и уже нет.

Хочу поделиться несколькими эпизодами из своей фронтовой жизни.

Я была комсоргом. И вот однажды мы поехали в дивизию на конференцию. Приехали поздно вечером. Поели из больших термосов кашу. И вдруг ночью я проснулась от страшной боли в желудке. Меня отправили в медсанчасть. И каково было мое удивление, что в медсанчасти оказались все участники конференции. Как потом мы узнали, немецкий диверсант пытался отравить нас.

И еще такой случай. Вместо умывания, мы по эскадрильям забегали в речку (название не помню), быстро купались (десять минут). Оказалось, в то утро рано пролетел немецкий самолет и чем-то посыпал воду. И тот, кто купался первым, у них тело покрылось нарывами и сильно чесалось. Я не успела выкупаться, т.к. была команда «отставить!».

Из-за плохой погоды вылетов не было. Командование решило устроить банный день. Натянули брезент, разделили на две части: мужскую и женскую. Для этого использовалась обычная железная бочка, разрезанная пополам, в нее вставлен котел, в котором грелась вода за счет сжигаемого мазута. И вдруг тревога, летят немецкие самолеты и бомбят. От взрывной волны в нашей бане погасли коптилки, сделанные из под снарядов, палатки покосились, вот-вот упадут и тогда нам вообще не выбраться. Мы были в наряде, поэтому мылись последними, и только успели намылиться, свет погас, страшная темнота и страх, что нас придавит палаткой. Мы не можем найти воду, чтобы смыть мыло. От растерянности и страха я нащупала таз и разом вылили на себя. Господи! Вместо воды оказался мазут, которым я залила

только голову, и потом лишь сообразив, что случилось. Моя подружка тоже последовала моему примеру. Кое-как разыскав кальсоны, рубашку и комбинезон, одевшись, выбежали к землянке. Налет еще не кончился. Сколько было смеху, когда нас увидели. Мы несколько дней подряд отмывали наши головы бензином. Долго этот случай не забывался в полку. Смеялись от души. А тогда? Тося Горбушина оставила свои кальсоны, а признаться было неловко, когда старшина спрашивал: «А, ну, девчата, кто оставил кальсоны?» Мы все молчали.

Припоминается и такой случай. Мы только что прибыли в г. Краматорск. Сразу же распределяют кого в наряд, кому отдыхать. Мне выпала доля быть в наряде, быть в штабе, под который отвели обычный дом. Ночь. Начальник караула ст.лейтенант Зайцев ушел проверять посты. И вдруг, мне послышалось, что в подпольебрякнула пустая консервная банка. Так мне показалось. Я замерла, напряглась, наступила ногами на крышку подполья. Пришел ст.лейтенант, я доложила ему. На что он мне ответил, что ночь, я устала и хочу спать, мне показалось. Он ушел опять. Через некоторое время я вновь услышала тот же звук и шорох. И по моей настойчивости он резко открыл подполье, там оказался немец.

После ранения в руку, домой наотрез ехать отказалась, а переучилась на парашютюукладчика, т.к. в вооружейники я уже была непригодна. Летом еще ничего, а зимой было тяжело тем, что взрыватель нужно вкручивать без варежек и случалось так, что твоя кожа оставалась на взрывателе. Как мы быстро слаженно работали! Как только самолет встанет на стоянку мы все: механик, моторист, приборист, вооружейник, электрик – за свои дела, чтобы самолет был готов выполнять боевое задание.

После госпиталя меня направили в г. Чапаевск Куйбышевской области, где формировались полки на фронт. Я попала в 951-й штурмовой авиационный полк, с которым прошла путь от Украины и Молдавии до Победы через Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию и Австрию.

После окончания войны в Австрии старшина Александр Бровкин подал рапорт на имя командира части подполковника Красногубенко с просьбой пожениться с сержантом Живаевой. Нас вызвали на беседу довольно-таки серьезную. Они знали, что мы встречаемся более года. И вот по согласованию командования полка, за боевые успехи и примерное поведение нам в Австрии в местечке графской усадьбы Унтервалтердорф 15 августа 1945 года сыграли большую полковую свадьбу и я стала вместо Живаевой – Бровкиной, вот уже 59 лет. Мой муж Александр Иванович был отличным техником звена, награжден орденами и медалями, был парторгом эскадрильи, а я комсоргом, там мы и познакомились. О нем написано в книге «17-я воздушная армия в боях от Украины до Вены». Умер в 2004 году, не дожив до 60-летия Победы, а как хотел!

У ВОЙНЫ НЕ ДЕТСКОЕ ЛИЦО

До войны мы жили в г. Бресте. Семья наша состояла из семи человек (дедушка, бабушка, папа, мама, два брата и я). Отец был военнослужащим, мама партийным работником. Отец погиб во время войны, мама была партизанкой, за что на груди у меня была выжжена звезда, как дочери партизанки. Мне было 9 лет, когда началась война. Думали вначале, что это гроза, но небо было чистое, без единого облачка. Это уже была стрельба на границе. Как только поняли, что это война, нас детей эвакуировали с заставы. Но на железнодорожном вокзале уже хозяйничали немцы. Они нас и схватили. Кого в вагоны, кого погнали в сторону Минска, до которого очень долго добирались. Из Минска, как скот, перегнали в Микуль-городок.

Лагерь находился на болоте, окруженный колючей проволокой, с висящими банками из-под консервов, на вышках около ворот стояла охрана. Одни сосны, никаких построек. Спали на мерзлой земле, на ветках сосен. Вши, чесотка. Костры фашисты жечь не давали. При налете самолетов все падали на землю, а если кто не успел, того убивали с вышек! Из Микуль-городка перегнали в местечко Озаричи, где было расположено три концлагеря. Как и в Микуль-городке, все выходы из лагеря были заминированы. Шли в Озаричи след в след, чуть свернул вправо или влево, взрывались мины. В Озаричах те же сосны, болото, колючая проволока, холод, голод. Здесь в Озаричах было много людей. В лагере свирепствовал тиф. Заключенных фашисты избивали ногами, прикладами и для них мы были мишенью, стреляли с вышек. Костры разводить запрещалось, но мы потихоньку разводили костры, огонь добывали с помощью двух камней, выбивали искру. Периодически появлялись нехорошие люди, избивали, раскидывали костры, натравливали собак. У меня на груди была вырезана звезда. До сих пор остались у меня на спине следы побоев. Здесь в лагере многие обморозили ноги, руки. Однажды немцы переоделись в одежду русских и подняли панику, что русские пришли. Тех узников, кто кинулся их встречать, расстреливали из пулеметов. Как бы трудно не было, но у нас была вера в освобождение.

Свобода пришла 19 марта 1944 года, подняться с земли не было сил. Горы почерневших трупов, припорошенных снегом, лежали около колючей проволоки. При изгнании немцев из Озаричей было освобождено 15960 детей в возрасте до 13 лет, 13072 нетрудоспособных женщин и 4448 стариков. Такая информация была оглашена на Нюрбергском процессе. Во время освобождения я была тяжело ранена и контужена. Неделью находилась в партизанском лазарете. Затем меня увезли в госпиталь в Казань, где перенесла 18 операций. Из госпиталя меня отправили в детский дом на Урал. В г. Соликамске окончила медучилище. До мединститута работала фельдшером на 17 населенных пунктов. Вышла замуж. По приезду в Пермь, по настойчивой просьбе мужа поступила в мединститут и работала на скорой помощи и в стационаре в вечерние и ночные смены. Окончила мединститут. Работала в горбольнице (г. Пермь) № 10 до выхода на пенсию. Я счастлива, что жива, что могу быть полезной

людям, 15 лет являюсь руководителем Пермской областной общественной организации бывших малолетних узников.

Война – это страшно и очень. До сих пор сняться лагерные кошмары. У войны – не женское и не детское лицо. Людям всегда желала только добра и по мере возможности оказывала помощь.

Э.А. Осипова (Иевлева)

ВОСПОМИНАНИЯ О ТОЙ СТРАШНОЙ ВОЙНЕ

Летом 1940 года наша семья приехала в город Брест, куда мои родители были направлены на укрепление советской власти в освобожденных областях Западной Белоруссии.

Мама, Иевлева Е.А., работала зам. заведующего отдела кадров Брестского горкома партии; отчим Малышков И.С. – директором совхоза военторга, расположенного в 13 км от города Бреста. Мы с сестрой учились в школе №15 (она в 9 классе, я - в 7), а маленькие братишки находились дома. Жили мы в микрорайоне Граевка, напротив военного городка. В семье часто велись разговоры о тревожном положении на границе (ведь Брест – пограничный город).

Весной 1941 года участились провокации со стороны немецкой армии. У родителей неоднократно возникало желание отправить детей к родственникам отчима в Смоленскую область, т.к. они прекрасно понимали, что если начнется война, то первые бомбы посыпятся на нас. Но никто даже подумать не мог, что война совсем рядом и что начнется она внезапно.

20 июня я сдала последний экзамен за 7 класс, а двадцать первого был в школе выпускной вечер. В ту ночь мы всем классом долго бродили по городу, пели песни, строили планы на будущее. И никто не думал и не гадал, что через считанные часы придет конец и мирной жизни и нашим планам.

Пришла я домой во втором часу ночи и только крепко уснула, как раздался страшный грохот. Я вскочила, не понимая, что происходит. Грохот продолжался. На глазах обрушилась часть стены и потолка, огонь шел по проводам. Заскочивший к нам сосед – лейтенант крикнул: «Это война, спасайте детей!». Накинув на себя какую – то одежду, схватив ребятишек, а их было трое: 6 лет, 4 года, 2 месяца, мы бросились из дома, который уже горел. Хотели бежать к пешеходному мосту, чтобы попасть в центр города, но сделать этого не смогли, т.к. на железнодорожных путях стоял состав, с которого фашисты поливали пулеметами огнем бегущих по мосту людей.

Кругом горели дома и пристройки, над военным городком возвышались клубы дыма, с неба то и дело с воем пикировали немецкие самолеты. Грохот, вой падающих бомб и мин, крик в панике бегущих людей, плач детей... Трудно описать эту картину народного бедствия.

Тогда мы побежали на окраину города, там была заболоченная местность, поросшая кустарником. Там не было такого крошечного ада. Мы спрятались в кустар-

нике. У нашей мамы от всего пережитого сразу пропало молоко и двухмесячный братишка заходился плачем от голода. Разжевали корочку хлеба, положили в тряпочку и дали ему вместо соски.

Уже давно рассвело, все, кто находился на болоте, с надеждой смотрели на небо, ожидая наши самолеты, но их не было. И только слышен был мощный артиллерийский грохот: это сражались защитники Брестской крепости.

Я сказала маме, что сбегаю на улицу Республиканскую, где мы жили, чтобы узнать, как там, и если дом не сгорел совсем, взять хоть что-нибудь из одежды, т.к. мальчиков мы выхватили из кроваток и на них были только маечки и трусики и детей страшно искушали комары, им было холодно.

Бежать мне было страшно, т.к. всюду стреляли, немецкие самолеты летали очень низко, охотясь за мирными жителями, а спрятаться, было негде: всюду были одни пожарища, домов целых не было, наш дом тоже сгорел дотла. Я помчалась назад, не видя ничего перед собой: слезы застилали глаза. Вдруг услышала детский плач, я остановилась у куста акации и увидела страшную картину: у огромной воронки в луже крови лежала женщина, нога у нее была оторвана, а около нее ползал маленький ребенок и громко плакал. Неизвестно откуда выскочил немецкий солдат, схватил малыша за ножку и ударил головой о сруб колодца... Сколько буду жить, никогда не забуду этого...

Когда я нашла своих, мама, видя ужас на моем лице, ничего не спросила, она все поняла: фашисты уже в городе, нам надо срочно уходить.

Документы, которые мама смогла схватить, оставлять при себе было нельзя: там был её партийный билет, паспорт, наши метрики и т.д. Документы зарыли в глубокую яму.

Решили изменить фамилии и имена.

Взяли мамину девичью фамилию: Осколова, а также поменяли все имена. Я стала Осколовой Верой. Ею я была до конца войны. Под этой фамилией я была и в концлагере.

Вместе с такими, как мы беженцами, двинулись на Восток. Чтобы не привлекать внимания фашистов, пробирались проселочными дорогами и маленькими группами. Удалось нам зайти в д. Ямно, где находилась контора совхоза военторга, директором которого работал мой отчим. Нам соседи сказали, что он, узнав о нападении Германии на нашу страну, сразу, же оседлал коня и помчался в военкомат, ведь он был офицер запаса. С тех пор мы о нем так и не могли ничего узнать.

Рабочие совхоза помогли нам: дали детям одежду, дали хлеба, два мешочка крупы, и мы пошли дальше.

Не только на Минском шоссе, но и на проселочной дороге, валялась масса разбитой и искореженной техники: танки, артиллерийские орудия, машины. Везде можно было увидеть трупы наших солдат, их никто не хоронил.

Вообщем, с великими муками мы с детьми прошли километров 100 от Бреста. (А крепость все продолжала сражаться).

Остановились в д. Запруды. Спасибо, добрым людям - приютили, угол дали. Вскоре началась жниво. Нас с сестрой научили жать. За день работы давали пуд зерна. А потом копали картошку у крестьян. Платили и картошкой и другими продуктами, а иногда, видя нашу нищету, давали домотканую одежонку, чему мы были

очень рады. В соседней деревне Краснолески нашелся пустой дом, в котором при панской Польше жили осадники. Староста разрешил нам занять его. Там поселились мама, сестра и братишки, а меня взяли нянькой в семью зажиточного крестьянина в деревню Жердечино.

В феврале 1942 года я заболела сыпным тифом. Болела очень тяжело, больше недели была без сознания. Спасибо хозяевам, у которых я работала, за то, что они не выгнали меня тифозную, (а у них была большая семья), даже маме сообщили, и она ухаживала за мной. Конечно, мама заразилась от меня, а от нее сестра и братишки.

Поправлялась я очень медленно. В начале весны 1942 года, немцы стали уго- нять молодежь на работу в Германию. 9 апреля 1942 года с трудом я поплелась к маме в деревню Краснолески. Я не видела сестру и братьев с февраля.

И только пришла к маме, сразу появились два полиция и приказали мне соби- раться для отправки в Германию. Под мобилизацию попала сестра, которой было 17 лет. Но она находилась с братишками в тифозной больнице, а старосте надо было выполнять разнарядку, вот он и приказал полициям забрать меня, пятнадцатилет- ную.

Я шепнула маме «Все равно убегу». Полиция как – будто понял, что я сказала и говорит мне: «Попробуй бежать, расстреляем и мать и всех щенков».

До города Кобринно (это 30 км) нас гнали пешком. Там погрузили в товарные вагоны и привезли в город Брест, в тюрьму, которая была превращена в сборный пункт. А уже из Бреста полный состав подневольных рабочих отправили в Герма- нию.

Так я оказалась в городе Штральзунд. После санобработки нас привели на биржу труда (арбайтзам). Там во дворе всех выстроили полукругом, надели каждо- му на грудь деревянную табличку с указанием фамилии, имени и возраста.

Меня купила фрау Ольденбург, дочь богатейшего прусского помещика. Она была управляющей имением Фёрстерхов, расположенного в 8 – 10 км от города Штральзунда. Так я оказалась самой настоящей рабыней.

Мой рабочий день начинался в полпятого утра и заканчивался не раньше по- ловины одиннадцатого или в одиннадцать часов вечера. Работы было невпроворот: две коровы голландской породы (каждая давала по 30 литров молока в день), семь свиней, около сотни штук птицы (куры, гуси, индюшки, утки и даже перепелки), большой огород и дом, в котором было 12 комнат. Все это должна была обслужи- вать я одна. Хозяйка строго следила за тем, чтобы я не ходила, а бегала. Только и слышала от нее «шнель», «шнель». Не дай бог, если я вдруг остановлюсь, чтобы хоть немного передохнуть.

Коров доила, весь скот и птицу кормила, навоз из хлева на тачке вывозила, во- ду из колонки таскала, всё делала, и убиралась по субботам в комнатах. А ведь было мне 15,16 лет! Кормила меня фрау плохо, давала четыре ломтика хлеба и похлебки. Благо, что свиньям готовила корм я сама, так вареной картошкой тайком разжива- лась.

До сих пор не знаю, как я выдержала все это, если учесть, что в первую зиму у меня руки и ноги были в нарывах.

Прошел год. Я настойчиво учила немецкий язык, знала, что может пригодить- ся. От мамы за этот год получила только две открытки. Узнала, что от голода умер

восьмилетний братишка, а к ним приходят внуки деда Талаша (так звали героя – партизана времен гражданской войны из повести белорусского писателя Якуба Коласа «Трясина») Я поняла, что мама стала партизанской связной.

Этой же весной (1943 год) случайно узнала, что совсем недалеко от имения, за железной дорогой в трёх – четырёх км, на окраине деревни Царендорф находится лагерь военнопленных. Я просто потеряла покой. Решила, во что бы то ни стало при первой же возможности там побывать. Во время отсутствия хозяйки (она уезжала к отцу) мне это удалось. Лагерь был обнесен двумя рядами колючей проволоки, на углах вышки с охраной. В лагере были пленные: наши – советские, французы, поляки, бельгийцы и т.д. Познакомилась с нашими. Они как-то сразу поверили мне и попросили моей помощи. Я сделала все, что смогла. Три месяца готовились ребята к побегу. 31 июля 1943 года Всеволод Лузгин (из Петрозаводска) и Валентин Плешивцев (из Воскресенска) бежали из лагеря. На следующий день в имение явились гестаповцы, меня страшно избили и предупредили, что если хоть раз меня заметят у лагеря, концлагеря мне не миновать. Но меня уже ни что не могло остановить, особенно после того, как я из Белоруссии получила назад свою открытку с припиской, что маму, сестру и братьев я больше никогда не увижу. Я, конечно, подумала, что их за связь с партизанами расстреляли фашисты.

Стала готовить побег второй группы. Надо было проявлять максимум изобретательности и осторожности. Ходила к лагерю только ночью, чтобы меня не видели местные жители. Разработали другой маршрут. Мне предстояло провести их до железнодорожной станции Грайсфальд (это 5-6 км) предварительно хорошо узнать дорогу и запомнить расписание поездов.

В празднование немецкой пасхи (1 мая 1944 года) я их ночью проводила. Мы попрощались. А утром, когда хозяйка с гостями уехала, я взяла свои вещички, села на поезд и уехала в Берлин. В Берлине с большим трудом купила билет до Варшавы. Короче с трудностями, с приключениями при пересадках добралась почти до Варшавы.

А это был у немцев особый протекторат. И, понятно, контроль при пересечении границы особый, строгий. Началась проверка документов, а их у меня нет... Меня схватили и отправили в гестапо города Бромберга (польское название Быдгощ).

Две недели держали в одиночной камере. Ежедневные допросы с пристрастием: не только били, но и не раз специально заставляли смотреть, как овчарке по команде гестаповцев рвали беззащитных людей, находящихся в камерах.

По характеру вопросов, которые мне задавали на допросах, я поняла, что меня приняли за кого-то другого. Так потом и оказалось.

Недалеко от города Бромберга гестапо раскрыло подпольную организацию, в которой были три девушки: Лиза Вильчик, Галя Королькова и Вера Баженкова. Первых двух фашисты схватили, а Вере Баженковой удалось скрыться. Вот меня, Веру Осколову, фашисты приняли за Веру Баженкову...

После двух недель одиночки меня перевели в общую камеру, там я и познакомилась с Лизой и Галей.

Вскоре нас отправили в концлагерь Равенсбрюк, единственный женский концлагерь в Германии.

Находилась я в карантинном блоке №21. Мой номер был 41918. Продержали нас там немного больше месяца. Дальше путь лежал в филиал к/л Бухенвальд, находившийся на окраине города Веймара.

Лагерь был обнесен бетонной стеной, поверх которой протянута колючая проволока под электрическим током. Бараков не было. Все заключенные находились в большом каменном здании, разделенным на огромные камеры – блоки, в которых стояли четырех этажные нары.

Я была в блоке №6. Там помещались заключенные из Советского Союза. А вообще заключенные были разных национальностей: польки, француженки, еврейки, бельгийки и т.д.

В коридорах постоянно дежурили надсмотрщицы, которые страшно зверствовали, постоянно избивая дубинками тех, кто замешкался на минуту, идя в умывальник, или нечаянно заглянули в другой блок. Мучили нас апелли (проверки) на которых мы ежедневно выстаивали по 4-5 часов, а то и больше. Все заключенные работали на военном заводе. Рабочий день продолжался 12 часов, работали без выходных.

Я работала в горячем цехе. Мы возили вагонетки, груженные заготовками для снарядных гильз к печам обжига.

Кормили впроголодь: 200 грамм хлеба в день и миска баланды из бруквы и картофельных очисток, пропущенных через мясорубку.

А после такого рабочего дня еще эти апелли. Многие не выдержали, падали. Их избивали и бросали в карцер.

11 апреля 1945 года в центральном лагере Бухенвальд началось восстание. Всех заключенных нашего филиала решили уничтожить. 3500 заключенных лагеря выстроили колоннами и под усиленной охраной эсэсовцев с собаками выгнали из лагеря. Две недели нас гоняли по дорогам Германии без еды, без воды.

Наступают наши – гонят на Запад, наступают союзники – гонят на Восток. Люди гибли, как мухи, т.к. идти не было сил. Кто упал, того сразу добивали. Во время этого марша погибло больше половины заключенных. Группу заключенных около 400 человек (советские военнопленные и полит. заключенные) отделили от остальных и поместили под огромный четырёхугольный навес в солому, по углам поставили пулеметы. Куда увели остальных, я не знаю. Кругом грохотало, фронт был совсем близко. Ночью казалось, что зарево было со всех сторон. Как нам хотелось дождаться своих...

25 апреля 1945 года фашисты решили избавиться от нас, сжечь заживо в этой соломе.

Но... не успели. Из-за кустов на мотоциклах вылетела наша разведка. Так пришла свобода.

Я вернулась на Родину в августе 1945 года. Нашла маму, сестру и братишек. Оказывается, они были в партизанском отряде им. Чапаева, бригады Сов. Белоруссия. А соседи решили, что ночью их фашисты расстреляли и поэтому написали мне, что я их никогда не увижу.

После войны судьба у меня сложилась, как у большинства представителей моего поколения. Училась, окончила два института. 38 лет проработала преподавателем истории. Являюсь отличником народного образования Белоруссии.

Награждена медалями «За доблестный труд», «Ветеран труда». В 1998 году мне была вручена медаль ордена «За заслуги перед отечеством» II степени.

Муж был офицером Советской Армии. Вырастила двух сыновей. У меня 5 внуков и 1 правнук.

Л.Г. Дворсон

НАС ПОЗВАЛА РОДИНА – МАТЬ

Великая Отечественная война... Она не только нарушила мирный труд советского народа, а еще и полностью изменила судьбы людей, особенно детей, подростков, вчерашних школьников.

Я росла и воспитывалась в очень добропорядочной, доброжелательной к людям и трудолюбивой семье. Мы все очень любили свою Родину. И как больно и тяжело было от того, что на нашу страну напали гитлеровцы. Естественно, мы эвакуировались вместе с множеством людей. Нас вывозили на телегах, запряженных лошадьми. В чем были, в том и бежали, не успев ничего из одежды, обуви взять с собой. Мы с ужасом смотрели, как отступала наша армия, как гнали скот в глубь страны, чтоб не достался фашистам. Через месяц тяжелых испытаний и мучений: больше шли пешком, потому что одна телега везла по 5-7 семей, среди них были старики и дети, ночевали где придется, в лесах под телегами, в курятниках, лошадиных стойлах, иногда в крестьянских избах, где добрые люди нас кормили и поили. Наконец, мы добрались до села Тахта Дмитровского района Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края. Это была казачья станица. И поместили нашу семью в обычную крестьянскую избу с земляным полом к очень хорошей хозяйке. Она нас одела, обула, кормила и очень жалела. Мама и папа работали в колхозе, а я успела там закончить 9-й класс, была комсоргом школы и очень подружилась с ребятами и с классным руководителем Людмилой Александровной Сушко, которая в 26 лет добровольцем ушла на фронт и вскоре погибла. Мы все ее очень любили и тяжело переживали ее утрату.

Война шла полным ходом, фашисты наступали. Вот они подошли к Ростову-на-Дону, а наше село находилось примерно в 300-х километрах от него. Вспоминая, как всех нас, школьников и жителей села, направили копать траншеи, противотанковые рвы, чтобы было, где укрываться нашим воинам и чтобы вражеские войска и танки не могли прорваться на Кавказ. Под палящим солнцем, а иногда под проливным дождем мы все трудились от зари до зари, валились с ног от усталости, потом снова поднимались, брались за лопаты, копали до мозолей на руках. Но фашисты упорно наступали. И вскоре нам пришлось второй раз эвакуироваться.

И снова на телегах, запряженных лошадьми, под бомбами, которые сбрасывали на нас пролетающие бомбардировщики с фашистской свастикой. Чудом уцелели, а сколько наших людей погибло! Наконец, мы прибыли в город Баку. Перед нами – безбрежное Каспийское море. Нас ждет танкер – грузовой пароход. Трое суток мы плыли по морю. В одну из ночей попали в страшный шторм, пароход кренился то

направо, то налево, бедные люди падали в обморок, меня, помню, очень сильно рвало. Но нас уже ждал город Красноводск, где размещался эвакуационный пункт. Здесь сортировали беженцев кого куда. И погрузили нас в товарные вагоны, в них полка не было, были только доски, покрытые соломой и сеном. Все спали вповалку, ехали по направлению к Уралу. Скучная пища, жуткая теснота, люди плакали, не спали ночами, в добавок ко всему нас мучили вши и блохи. Наконец, мы прибыли в город Березники. Здесь и началась моя трудовая жизнь.

Всего я проработала в годы войны с 23 ноября 1942 года по 1 марта 1945 года. В г. Березники по направлению горкома комсомола работала в колонии № 7 УИТЛК НКВД старшим инспектором по кадрам и была избрана секретарем комсомольской организации. И вскоре политотдел УИТЛК НКВД по Пермской области перевел меня в город Кунгур на должность освобожденного секретаря комитета комсомола промколонии № 3. Это был завод-колония, где изготавливались мины. Заводом он стал после того, как сюда прибыл эвакуированный из Воронежа завод Сельскохозяйственного машиностроения, перепрофилированный в военный завод по выпуску мин. На нем трудилось много комсомольцев, и трудились прекрасно. А члены комитета комсомола овладевали несколькими операциями станочников. Для чего? Чтобы ни на секунду не простаивал станок, особенно в обеденные перерывы и днем и ночью. В цехах висели огромные плакаты со словами: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!», «Родина-мать зовет!», «Все для фронта, все для Победы над врагом!», «Смерть фашистским оккупантам!».

Трудно передать словами, с каким вдохновением, упорством работали комсомольско-молодежные фронтовые бригады! Голодные, плохо одетые, по 12 – 14 часов в сутки труда, у станков падали в голодные обмороки, а то и от страшной усталости, от бессилия, но снова поднималась и продолжали работать. Кстати, я тоже овладела несколькими операциями на разных станках и тоже подменяла, когда надо было, станочников. Мне посчастливилось работать в это тяжелейшее время с замечательными людьми: Александром Ивановичем Медведевым (начальником колонии), Федором Ильичем Филатовым (секретарем партбюро), Олимпиадой Андреевной Гречиной (председателем завкома). Среди членов комитета комсомола хочу назвать Тосю Баталову, Галину Зуеву, Нину Лубову. Именно здесь, в Кунгуре, я вступила в партию в 1944 году.

А еще никогда не забуду, как мы плакали вместе с женщинами, которым приходили похороны на мужей, сыновей, оплакивали с нашими ребятами-комсомольцами их погибших отцов, старших братьев. И тогда удваивалась, утраивалась наша энергия, воплощенная в трудовые успехи. А ведь были среди нас дети в возрасте 12-13 лет, да, им подставляли ящики, чтобы достать до станка.

Совершенно правильно написал в своих стихах Геннадий Федорович Семенов – один из первых бригадиров комсомольско-молодежной фронтовой бригады на заводе имени Сталина города Молотова:

В дали от смерти,
В тылу, где пушкам не греметь,
Ребята в бой рвались, как черти,
И вот их лозунг:
«Смерть за смерть!»

Он звал нас в бой неодолимо,
И был он полон жизни весь...
Лишь с честью воинской сравнима
Та, трудовая наша честь.

Я живу в нашем крае более 62 лет, а в 2005 году будет ровно 60 лет, как живу в городе Перми. Горжусь, что стала пермячкой, муж мой – Дворсон Лев Григорьевич, был пермяком, дети, внуки и правнуки родились в нашем городе, и все мы очень любим свой родной город, любим пермяков – своих земляков.

Приближается знаменательная дата – 60-летие со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Вспоминаю, как мы встречали этот день 9 мая 1945 года. Какое было ликование! И радость, и слезы, и объятия на улицах города с незнакомыми людьми. Какое счастье! Мы победили такого жестокого и коварного врага, такого агрессора! Кудымкарский писатель, поэт, бывший научный сотрудник Коми-Пермяцкого окружного музея Геннадий Константинович Конин написал замечательное стихотворение под названием «Враг разбит!»

Дни страданий миновали,
Наступил желанный час,
Враг разбит,
Светлее дали стали,
Все народы ликовали
Под сияньем кумача.
Нашу армию хвалили,
Прославляли на века!

И продолжаем прославлять наших замечательных воинов, труженников тыла и весь наш народ.

Н.Д.Аленчикова

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ЖИЗНЬ В ЭВАКУАЦИИ

(Воспоминания московской школьницы)

Поколение детей конца 20-х – начала 30-х гг., детство которых было разорвано началом Великой Отечественной войны, с ранних ногтей воспитывалось в духе высокого патриотизма и гордости за свою Родину, свою Армию. Лет в семь, осознав себя как индивидуума и часть неразрывного целого, я с восторженным замиранием сердца думала о том, какое счастье даровано мне судьбой - родиться в единственной в мире Советской стране. Врут те мои сверстники, которые сейчас говорят, что всё знали о неслыханных репрессиях, свирепствовавших в стране : наши родители, по всей видимости, что-то знали и о чем-то догадывались, но нас, детей, тщательно оберегали от этих знаний и догадок. Мы твердо верили, что люди, объявленные врагами народа, действительно враги народа, а товарищ Сталин – мудрый вождь и отец всех народов нашей Родины. Мы воспитывались на кинофильмах «Броненосец «По-

темкин», «Чапаев», «Пархоменко», «Щорс», «Ленин в Октябре», «Парень из нашего города». Гордились героическим прошлым, верили в счастливое будущее. Знали, что наша прекрасная страна плотно окружена врагами, которые пробираются внутрь ее и в любую минуту могут напасть извне. Это подтверждалось событиями на Халхин-Голе и озере Хасан. Верили в необходимость солидарности пролетариата всех стран. Горячо переживали события гражданской войны в Испании, даже стали носить летом вместо панамок «испанки» - головные уборы испанских республиканцев. Ненавидели фашистов. Очень любили и распевали песни «Каховка», «Наш паровоз», «Широка страна моя родная», «Марш энтузиастов», «Три танкиста». Все они давали замечательный патриотический и оптимистический созидательный заряд. Вместе с тем, вселяли в сердца детей уверенность в силу и непобедимость нашей армии, большое уважение и любовь к ней, к защитникам Родины. Из разговоров взрослых знали, что неизбежна война с фашистской Германией, но это – не сегодня и не завтра.

Однако оказалось – «завтра».

Хоть все внутренне ощущали неизбежность войны, война началась неожиданно. Наша семья узнала о начале войны рано утром 22 июня, когда вся страна ещё мирно спала в предвкушении воскресного отдыха, но уже рвались бомбы над Киевом, дрались и умирали пограничные заставы и начали свой путь в бессмертие защитники Брестской крепости.

В этот день папа должен был проводить нас с мамой на родину мамы, в город Дятьково Брянской области, где мы собирались провести лето в гостях у маминой сестры. Поезд отходил в 2 часа дня, в 8 часов утра к нам постучался брат папы, семья которого жила в той же коммунальной квартире. Дядя Витя – участник 1 Мировой войны – несколько лет был в немецком плену и хорошо владел немецким языком. В то утро, настраивая свой ламповый радиоприемник, он случайно поймал выступление Гитлера, из которого следовало, что немецкие войска уже атакуют рубежи нашей страны. Потрясённый этим известием, зная о нашем предполагаемом отъезде, он поспешил сообщить нам об услышанном.

Не может быть, это провокация, рассуждали взрослые. Ведь совсем недавно между Германией и СССР был заключён «Пакт о ненападении». Но даже если это и так, немцы не смогут продвинуться внутрь нашей страны. Все знали: воевать мы будем только на чужой территории.

Радио молчало. Шли обычные для воскресного дня утренние передачи. Ехать или не ехать? Билеты на руках. Взвесив все «за» и «против», родители решили отложить поездку до скорого (они не сомневались в этом!) окончания войны. С нами должна была ехать моя взрослая двоюродная сестра с двумя маленькими детьми. Телефона нет ни у неё, ни у нас. Живет далеко от нас – у Крестьянской заставы. Единственное средство сообщения – трамвай. Папа поехал к сестре, чтобы проинформировать её об услышанном и нашем решении, а потом – сдать билеты. Однако Лиза с детьми решила всё-таки ехать. Не остановило её и последовавшее в 12 часов выступление по радио В.М. Молотова, подтвердившее начало войны (впоследствии она с детьми успела убежать из Дятькова до захвата его немцами).

Мне было 10 лет, поэтому все события того незабываемого времени запечатлелись в памяти довольно чётко. Москва преображалась на глазах. За короткий пе-

риод все оконные стекла в домах были перечеркнуты бумажными андреевскими крестами, которые должны были защитить их от взрывной волны в случае налета вражеской авиации. В домоуправлениях организованно выдавались черные маскировочные шторы для окон, чтобы ни один луч света не пробивался на улицу в ночное время. Устанавливались ночные дежурства жильцов, которые должны были следить за этим, а также за появлением подозрительных лиц на прилегающей территории. Дворы и чердаки загружались песком для тушения зажигательных бомб в случае прорыва немецких бомбардировщиков. На каждый дом выдавалось по несколько пар брезентовых рукавиц. Для всех жителей проводился подробный инструктаж по тушению зажигательных бомб. Все граждане, имеющие ламповые радиоприемники (их имели тогда далеко не все), обязаны были сдать их на специальное хранение до окончания войны. Ограничивалась продажа продовольствия в одни руки. Продовольственные карточки, как мне помнится, были введены позднее, кажется, в сентябре. Часто среди ночи раздавался пронзительный вой многочисленных сирен, к которым присоединялись паровозные и заводские гудки и радиоточки, которые не выключались на ночь, вещали голосом Левитана: «Внимание, воздушная тревога! Воздушная тревога!». Полуодетые жильцы спускались в подвалы или открытые во дворах «щели» (убежища окопного типа, покрытые сверху бревенчатым настилом и присыпанные землей) с противогАЗами (они были выданы каждому члену семьи задолго до начала войны). Дежурные поднимались на крыши домов. Иногда воздушная тревога объявлялась днем. Одна из таких тревог застала меня в кинотеатре недалеко от дома. Как сейчас помню, я смотрела на детском сеансе кинофильм «Профессор Мамлок». Сирена заревела на середине сеанса, и администрация предложила нам быстро бежать к недостроенной шахте метро «Павелецкая». Помню бесконечный спуск глубоко под землю по временным деревянным лестницам и такой же бесконечный подъем после отбоя. Было досадно, что фильм прервался на самом интересном месте, и я решила узнать, нельзя ли его досмотреть. К моей радости и удивлению, всех возвратившихся беспрекословно пустили в кинотеатр, и сеанс продолжился. Но первые тревоги были учебными.

Настоящие налеты на Москву начались ровно через месяц после начала войны – 22 июля. Это было страшно: вой самолетов сплетался с воем падающих бомб, в хвостовое оперение которых было вмонтировано специальное устройство, по зловещему замыслу изобретателей, своим пронзительным воем оно должно было угнетать психику людей. После первых бомбежек меня и мою маленькую двоюродную сестру вместе с её нянькой, родители вывезли за город, на станцию Трудовую Ярославской железной дороги, где сняли в деревне небольшую комнату. На исходе каждого дня, всегда в одно и то же время, в 9 часов вечера, мы с замиранием сердца смотрели, как в сторону Москвы над Трудовой, волна за волной летели огромные черные фашистские бомбардировщики, а с наступлением темноты над Москвой виднелось зарево от возникших пожаров. Как потом выяснилось, горели крытые деревянные рынки, расположенные возле вокзалов: немцы целили в вокзалы, а попадали в рынки. И каждое утро мы с тревогой ждали вестей из дома, приезда родителей. В одну из таких бомбежек, на боевом посту, охраняя какой-то важный оборонный объект, погиб мой дядя, брат папы, Алексей Иванович Алеников. Его имя высечено на одном из памятников защитникам Москвы.

По утрам нянька брала нас сестрой за руки и вела в сельский магазин, в очередь за хлебом. Выдача продуктов была дозирована : в одни руки продавалось только по буханке хлеба. Запасливая нянька, полуглая Татьяна со знаменитой фамилией «Пушкина», пережившая и 1 Мировую, и Гражданскую войну, брала нас в магазин с целью купить вместо одной – сразу три буханки пахучего, вкусного ржаного хлеба. Помимо еды, большая часть хлеба шла на заготовку сухарей: нянька по опыту знала, что каждой войне сопутствует голод.

Все новости мы узнавали из разговоров взрослых, привозивших нам продукты из Москвы, т.к. сельский магазин очень быстро опустел и, кроме хлеба, там ничего не продавалось, да и за ним нужно было выстоять очередь. Говорилось о том, что немцы буквально засыпают Москву «зажигалками» (так в просторечьи назывались зажигательные бомбы) и многие деревянные дома загораются, однако москвичи быстро научились бороться с этой напастью: руками в брезентовых варежках упавшая бомба быстро хваталась за «хвост» и засовывалась «мордой» в песок, что предотвращало загорание. На чердаке нашего деревянного дома особо ловко расправлялась с зажигалками моя тетя Таня...

В августе началась эвакуация из Москвы женщин, стариков и детей. Министерство (в то время - Народный комиссариат) нефтяной промышленности, где работал мой отец, организовало эвакуацию семей своих служащих водным путем на Урал, в Уфу. Было решено, что и мы с мамой должны эвакуироваться. Планировалось, что караван судов с эвакуированными отплывет из Химок в 2 часа дня. Но по неизвестным причинам погрузка затянулась до вечера. Пароход был перегружен, мест для нормального размещения не хватало. А тут ещё в толкотне и неразберихе потерялась моя мама. Плачущая и растерянная я притулилась у кого-то в ногах на скамейке в третьем классе. Потом кто-то помог мне забраться на самую верхнюю полку, предназначенную для вещей, где хотя бы можно было лечь и вытянуть ноги. Как только мы отплыли, началась бомбежка. На воде это особенно страшно. Заливаясь слезами, я прислушивалась к воюющему над караваном небу и глухим, отрывочным командам нашего капитана где-то там, наверху. Быстро спустившаяся августовская ночь помогла нашему каравану без потерь выйти из Химкинского порта. Утром мы с мамой нашли друг друга...

В конце концов, без особых приключений, наш караван дней через 10 добрался до Уфы. Но оказалось, что далеко не всех приехавших могла в то время принять столица Башкирии. Так мы оказались в Стерлитамаке, на 2-й улице 7-го Ноября (их там было 5), подселенными к семье инженера-строителя, в небольшой проходной комнате.

По пути в Стерлитамак, в жестком нечистом вагоне, я обзавелась верной приметой народной беды – платяными вшами. Помню, какое брезгливое отвращение и ужас я почувствовала, впервые познакомившись в ними. Сразу страшным дефицитом стало мыло: на рынке за кусок мыла можно было получить полкило домашнего сливочного масла. Первое время на рынке можно было купить любые молочные продукты. Но по мере увеличения количества эвакуированных, рынок становился всё дороже и беднее. Карточек ещё не было, но вода в Стерлитамаке выдавалась по специальным талонам, которые нужно было покупать. Помню, как меня это поразило.

Оставалось всего несколько дней до начала учебного года, поэтому мама сразу же записала меня в 4-й класс здешней школы. Отношение к эвакуированным было очень сочувственным и доброжелательным. Это было характерным во все годы войны, сплотившей и сроднившей все население страны перед лицом грозного врага. По совету нашей хозяйки мы посетили местного пимоката и заказали валенки, т.к. зимней обуви у нас не было. Эти чудесные валенки, необыкновенно теплые и складные, не только спасли нас во время суровой зимы 1941 года, но в 1953 г. приехали вместе со мной в Пермь, где (увы!) были украдены очередной нянькой моей старшей дочери.

Основным лозунгом, под которым тогда жила наша страна, был – «Все для фронта, все для победы!». Посильную лепту помощь фронту вносили и мы, школьники: шили кисеты, набивали их купленной на рынке махоркой-самосадам, обязательно вкладывая в каждый кисет свои нехитрые письма бойцам. Собирали теплые вещи (варежки, носки), под руководством учителей организовывали посылки на фронт. И каждое утро с трепетом включали радио в ожидании сообщений от Советского Информбюро, которые день ото дня становились всё тревожнее: фашисты рвались к Москве, началась блокада Ленинграда.

В грозные дни середины октября 1941г. папино министерство было эвакуировано в Уфу, куда он перевез из Стерлитамака и нас с мамой. Несколько месяцев мы жили на ул. Чернышевского, в двухкомнатной квартире, одну из комнат которой занимали хозяева, а вторую, небольшую и длинную, наша семья делила с семьей эвакуированных из Одессы (их тоже было трое). Каждой семье досталось по кровати.

В Уфе я продолжила учебу в 4-м классе, начатую в Стерлитамаке. Зима 41-го года была на редкость суровой: градусник часто показывал около 50 градусов, птицы замерзали на лету (я сама видела замерзшего воробья). В школе был жуткий холод: и ученики, и учителя не снимали во время уроков ни пальто, ни шапок, ни варежек. Писать было невозможно: в чернильницах – лед. Вскоре занятия моего класса переместились из школы в маленькую квартирку нашей учительницы, где она жила вместе с инвалидом-мужем и крохотной очаровательной дочуркой. Занимались небольшими группами, в три смены, не было ни лодырей, ни отстающих: все ребята успешно закончили четвертый класс.

Среди зимы папе дали более подходящую жилплощадь в другом районе города, на ул. Фрунзе, проходящей по высокому обрывистому берегу р. Белой. С приездом папы наш быт несколько улучшился: семьи сотрудников были прикреплены к наркоматовской столовой, где каждый день нам выдавали по порции пустых щей и немного каши. Кроме того, хозяйственный отдел наркомата организовал закупку мяса у частных, которое было распределено между сотрудниками, что на некоторое время скрасило наш скудный рацион. Карточный талон на мясо чаще всего не отоваривался, вместо мяса выдавался яичный порошок.

Вообще же, карточки делились на 4 категории: детские, рабочие, для служащих и иждивенческие. Детские карточки выдавались на детей до 10 лет и, как и для рабочих, норма выдачи хлеба и продуктов по ним была выше, чем для иждивенцев и служащих. Мы с мамой были «иждивенцами». В свою очередь, каждая категория получала по три карточки: хлебную, продуктовую и промтоварную. Карточки выдавались ежемесячно в домоуправлениях и по месту работы. Потерянные карточки не

восстанавливались. Потерять карточку – было трагедией для семьи. Продуктовые карточки «прикреплялись» к определенному магазину, в котором только и должны были «отовариваться». Нормы выдачи были ничтожные, но они не позволяли людям умирать с голода. Как помнится, на месяц по иждивенческой карточке полагалось по 300 грамм жира, крупы и сахара. Сахар выдавался крайне редко. Его заменяли сухим киселем или смесью какао с сахарным песком. В основном, люди проживали привезенные вещи, обменивая их на продукты питания. Так жила и наша семья.

В марте 1942 г., после разгрома немцев под Москвой, папину министерство было эвакуировано, и папа уехал с ним в Москву. Чтобы немного увеличить наш голодный паек, мама ездила в компании с другими женщинами в глубинные деревни, где на вещи можно было выменять продукты сельского хозяйства – картошку, морковь, горох, мед. Помню: за 2-х-литровый бидончик меда маме пришлось отдать большой киргизский ковер ручной работы, накрываясь которым, мы спасались от зимних холодов. За деньги в деревнях никто ничего не продавал. Весной стало легче: варили суп из лебеды и шавеля. А к лету вскопали грядки в садике при нашем доме и посеяли лук, укроп, редиску. Но вскоре тяжело заболела и была госпитализирована мама.

Я осталась, практически, одна. Но мир не без добрых людей, особенно во времена всех объединяющей беды. Эвакуация всех перезнакомила и всех породнила. Меня взяла на своё попечение семья моей школьной подруги Инны Шейн, отец которой тоже работал в Наркомнефти. Эту чудесную семью, Иннину бабушку и маму, я буду помнить до конца своих дней, как и буду корить себя за то, что по молодости и глупости потеряла связь с ними по возвращении в Москву.

Иждивенческие карточки, по которым нам полагалось в день по 400г. хлеба, держали нас в состоянии вечного голода, да и выкупить эти граммы не всегда удавалось: очереди за хлебом устанавливались с вечера. Обычный завтрак перед школой у нас с Инной состоял из тонкого ломтика хлеба, который мы разрезали на маленькие квадратики, и пили с кипятком, делая вид, что это сахар-рафинад. Но жили мы дружно и весело. Добрым духом этой семьи была бабушка – Надежда Исаковна, которая помимо энциклопедических знаний, обладала тонким юмором и любую драматическую ситуацию могла представить в забавном виде.

Были у нас с Иннкой и нештатные ситуации. Помню, как однажды мы с ней потихоньку взяли из оставленных папой денег 300 рублей, после школы пошли на рынок и на эти деньги купили у спекулянта целую буханку хлеба. Шли домой окольными путями и по дороге с наслаждением умяли всю буханку. Это так и осталось нашей тайной...

В нашей школе активно действовала тимуровская команда и мы с Инной участвовали во всех её мероприятиях: помогали семьям фронтовиков – пилили и кололи дрова, ходили за водой, помогали отоваривать карточки, писать письма на фронт. Всё это делалось дружно, с большим старанием и охотой. Никакой «обязаловки».

В феврале 1943г. радио принесло радостную весть о победном окончании Сталинградской битвы. Это стало началом конца фашистского нашествия.

Весной, в середине учебного года, приехал папа с пропуском на эвакуацию в Москву для меня и мамы. Я с наслаждением вдыхала родной московский воздух и

сразу же побежала оформляться в 5-й класс своей 528-й школы. Период эвакуации закончился.

М.В. Субботина

ВСПОМИНАЯ О ВОЙНЕ

Июнь 1941 года. Ленинград. Мне 12 лет. Окончила 4-й класс на «отлично», с Почвальной грамотой. Награда – бесплатная путевка в Артек – хрустальная мечта всех ребят, но сбыться ей было не суждено: началась война. Казалось, мир перевернулся. Детей стали эвакуировать из Ленинграда, одних, без родителей – с детскими садами, школами, детским домами. Подальше от войны. Детей школы, где я училась, вывезли на Валдай. Разместили по домам. Люди приняли нас в свои семьи, жалели нас. Продолжалось это недолго. Где-то в середине июля пошли по дороге танки, начались бомбежки. В соседней деревне разбомбили детский садик, погибли дети. Возникла паника среди родителей. Они бросились за детьми. Если на Валдай нас привезли организованно, то обратно – кто как мог. Один родитель приехал за своим сыном, забрал с собой еще 6-7 детей. И снова я в Ленинграде.

Теперь я с мамой и тысячами других ленинградцев поехали «на окопы». Вокруг Ленинграда рыли лопатами противотанковые рвы. А когда здесь пошли сплошные бомбежки, всех стариков и женщин с детьми повезли обратно в Ленинград.

Не прошло и двух месяцев с начала войны, как Ленинграду стало грозить окружение. Началась эвакуация населения. Мама решила на это. И вот 19 августа 1941 года на эшелон (один из многих) с женщинами и детьми отправился в южный Казахстан, г. Чимкент. Надо было «проскочить» ст. Волховстрой. Мы проскочили ее ночью, когда все вокруг рвалось и пылало. Несмотря на то, что нас сопровождал самолет, один стервятник прошелся на бреющем по вагонам из пулемета.

Ехали мы, ехали... И однажды ночью поезд остановился. Всех нас выгрузили на ст. Григорьевская Молотовской области. Казахстан был уже переполнен эвакуированными. Взрослым перештамповали паспорта. А утром на подводах развезли по деревням.

До школы было 4 километра, а у нас ни одежды теплой, ни обуви. А зимы тогда были очень суровые. Мы перебрались в село Григорьевское. Там я окончила 5-й класс, тоже на «отлично». Летом все мы – дети – работали в колхозе, кто в поле, а кто на заготовке топлива для трактора. Трое ребят. Положат нам на козлы огромное бревно. Двое из нас отпиливают колесики, а третий топором колет их на чурбашки. Норма – кубометр в день. Пилить я научилась здорово.

Потом через эвакуопункт – в г. Молотов. Только что из Владимира эвакуировался завод (теперь «Велта»). Вскоре он стал давать оборонную продукцию. Туда направили работать маму. Сначала жили в палатке, спали вдвоем на одном топчане. Когда стало холодно, временно, у кого были дети, переселили в ужасный клопяной барак в пос. Красный Строитель. А затем, прямо зимой на 4-м Загарье, где был на-

стоящий лес, построили два барака из промерзлых досок. Там мы стали жить. Зимой барак промерзал насквозь. Окна покрывались льдом и толстым слоем инея. А когда затапливали железную печурку, по стенам текла вода и смола. Спали в одежде.

До школы добирались пешком (теперь это школа № 77, английская) по Сибирскому тракту. И никаких там тротуаров. Правда, и машин тогда было очень мало.

Из 7 класса я попала в ремесленное училище. Это была своего рода мобилизация. По личной инициативе Сталина в 1944 году, когда страна остро нуждалась в авиадвигателях, а рабочих не хватало, в г. Молотове было открыто ремесленное училище авиационщиков. Буквально из-за парт набрали подростков, а по сути – детей, и поставили к станкам. Работали мы по 8 часов в три смены, как все рабочие. Получали рабочую карточку – 800 грамм хлеба. О выходных днях и отпусках никто и не помышлял.

Так мы работали два года на заводе имени Сталина. И как могли, помогали фронту ковать победу. Я получила профессию токаря 4 разряда. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

В 1946 году, после окончания войны, училище расформировали, закрыли. А ребятам предоставили свободу выбора: продолжать учебу, работать или то и другое. Среднее образование я получила в школе рабочей молодежи (ШРМ).

Вспоминая тот кусок моей жизни, который выпал на время войны, я с горечью и содроганием листаю страничку за страничкой и пытаюсь представить, как сложилась бы жизнь, если бы не война.

Хочу отметить тот досадный факт, что от того училища не осталось следа. Многие не сохранили документы об окончании училища и два года труда выпали из трудового стажа.

А.А. Державин

ПАМЯТЬ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Меня, парня 15 лет, война застала в вологодской деревне Ухтомица. Территория Вологодщины не подвергалась эвакуации, но нас, подростков, отправили в глубокий тыл: кого куда, а я оказался в Молотове. Вот так Советская власть заботилась о сохранении своего генофонда. Здесь в городе меня направили в школу ФЗО, что располагалась в поселке Ераничи, а через полгода поступил на завод № 19 имени Сталина (теперь имени Свердлова).

За 60 прошедших лет многое улетучилось из памяти, но немало событий трудных военных лет сохранилось на всю жизнь. Помню, как мы, подростки 15-16 лет, одетые в одинаковые фуфайки, через лога и сплошь барачную Крохалевку ежедневно и в любую погоду строем, в сопровождении мастеров, группами ходили на практику в заводские цеха. Никогда не забыть, с какой добротой и сердечностью встречали нас, по существу еще пацанов, кадровые рабочие завода, называли нас сынка-

ми и дочками. На деле производственная практика была такой же рабочей, несколько укороченной по времени, трудовой сменой.

До сих пор я с благодарностью вспоминаю своих первых наставников по слесарному и полировочному делу Василия Никулина, Геннадия Климова, Леонида Боболева, Аркадия Колесова, Таисию Тимшину и многих других, которые терпеливо с отеческой заботой и вниманием передавали нам свой опыт и мастерство, оберегали от дурного влияния улицы и связей с так называемыми фраерами. Надо прямо сказать, что такая опасность существовала и приходится только удивляться тому как, казалось бы, совершенно недавно незнакомые люди, несмотря на личные трудности, почти круглосуточную занятость, а порой и ночевку в цехе, находили время на душевную беседу, советы о добре, чести и достоинстве.

Да, время действительно было трудное, тяжелое, голодное. Но я и сейчас глубоко убежден, что во время войны подавляющее число людей было чище душой, стремилось к взаимному уважению, помощи и поддержке, людей военных лет отличала сплоченность, они верили в победу и не жалели сил для ее достижения.

Запомнился такой случай. Как-то в начале января 1944 года у меня украли хлебную и продуктовую карточки. Люди моего поколения помнят, что это значило. Предстояло целый месяц прожить без основного, пусть скудного, но ежедневного пайка. На следующий день о моем горе стало известно в цехе. Первым откликнулись товарищи по работе – полировщики участка. Они без моего ведома единогласно решили каждый день по очереди выделять мне по 500 граммов хлеба и стакану молока, которые они получали за вредность профессии. Не осталось в стороне руководство и общественные организации цеха. Куда и к кому обратился с просьбой «треугольник» цеха, мне неизвестно и сейчас, но буквально через неделю я получил в райисполкомке иждивенческие карточки взамен утерянных.

О внимании и заботе руководителей цеха и завода в годы войны к нам молодым рабочим говорит и такой факт. Как-то заболел мой сменщик и бывший наставник Гриша Касимов (так по-русски все его звали). А работали мы на специально огороженных импортных высокоточных расточных станках. Пришлось мне выстоять две смены подряд, устал, конечно, до невозможности. Но сборка моторов зависела от наших прицепных шатунов, а срыв суточного задания воспринимался как чрезвычайное происшествие, допустить которое было просто невыносимо. Помню, как ко мне подошел начальник нашего цеха 38, будущий прославленный директор завода Михаил Иванович Субботин и, взяв за руку, увел меня в свой кабинет. Я, шатаясь от усталости, гремя ботинками на деревянной подошве, еле поднялся на второй этаж. В кабинете Михаил Иванович усадил меня за столик, на котором стояла тарелка с супом и два кусочка хлеба. Он сказал, что сборка может остановиться, если цех сорвет поставку деталей, которые я обрабатывал. По существу, это была просьба поработать еще сутки, с которой я, конечно, не мог не согласиться. После этого Михаил Иванович предложил мне прилечь отдохнуть и приказал диспетчеру цеха разбудить меня ровно через два часа, чтобы снова на сутки встать к станку. Не забыл начальник цеха и мои башмаки на деревянном ходу, хотя сам он, я это хорошо запомнил, ходил в далеко не новых кирзовых сапогах. Через несколько дней мне на заводском складе выдали прочные ботинки, в которых на зависть многих я форсировал немало месяцев.

А разве можно забыть, когда нас, подростков разных цехов, пригласили на встречу с директором завода Анатолием Георгиевичем Солдатовым, о строгости которого на заводе ходили легенды. Впервые в жизни увидел я большой деловито обставленный зал, столы, на которых перед каждым из присутствующих стояла банка компота или повидла, точно не помню. Но отлично вспоминаю, как из боковой двери вошел в зал стройный человек в генеральской форме. Анатолий Григорьевич сердечно поблагодарил нас за хорошую работу, кратко рассказал о задачах, стоящих перед заводом, о положении на фронте и в тылу.

Думается, что встреча эта оказала на каждого из нас неизгладимое впечатление, воодушевила на еще более ответственное отношение к порученному делу. Не знаю, как другим, а мне вскоре после этой памятной встречи вместо замасленной ветхой фуфайки с деревянными застегивающимися палочками вместо пуговиц выдали новенькую фуфайку навырост, в которой я шеголял почти до конца войны.

Да, тяжело, трудно было в войну. Но люди жили и работали под лозунгом «Все для фронта, все для победы», оставались истинными патриотами, не роптали, а мужественно боролись с неизбежными трудностями, свято верили в долгожданную победу. Она, эта победа пришла 9 мая 1945 года. Не забыть этот солнечный ясный день, праздник со слезами и радостью на глазах, с гордостью за свершенное и верой в будущее. Но об этом уже другой разговор.

А.Н. Сумбайкина

О ТРУДОВЫХ БУДНЯХ В 1941-1942 ГОДАХ

В судьбе каждого человека нашего поколения самыми памятными годами являются годы Великой Отечественной войны. Памятные навсегда, на всю жизнь.

Я родилась в Перми в далеком 1924 г. в бедной семье. Мама рано овдовела. На руках осталось трое малолетних детей. Я – старшая. Мама работала в бараке уборщицей. Здесь, в бараке, мы и жили в отдельной комнате.

В июне 1941 г. окончила 9 классов с хорошими оценками. Мечтала поступить в институт иностранных языков, куда принимали после 9 классов. Написала письмо, ждала ответ. А 22 июня началась страшная война и вместо института пошла работать на завод им. Дзержинского. Завод уже перестроился на выпуск военной продукции: производились артиллерийские снаряды, минные и др. Меня направили в сборочный цех № 7 на участок сборки артиллерийских снарядов.

Несмотря на то, что прошло уже более 60 лет, а я хорошо помню, как пришла впервые в цех в ночную смену (с 8 вечера до 8 часов утра). Цех был огромный. Шум был такой, что не слышно слов говорящего рядом. Стояло несколько рядов работающих конвейеров. Определили меня на участок мастера Ширинкиной, показали несколько операций на конвейере, которые нетрудно было освоить. Но простояв 4 часа, у меня вдруг закружилась голова, потеряв сознание, я упала. Очнулась я, лежа на сборках из-под деталей. А мастер, проходя мимо, зло проворчала: «Развели детский сад». Было очень обидно и, преодолевая боль, снова встала за конвейер. Стара-

лась не пропускать не обработанные детали. Обед был 30 минут, дали «баланду» и кусок хлеба; из продуктовых карточек вырезали хлебные талоны (200 гр.) и жиры (10 гр.). Смена закончилась в 8 часов утра. Домой добиралась 3 час: до Мотовилихи на рабочем поезде, а от Мотовилихи до Язовой – 3,5 км – пешком. Транспорта тогда не было. Поспав 4 часа, надо было собираться на завод в ночную смену. И так продолжалось огромное количество дней.

Известно, как тяжело приходилось работать всем: работали по 12 часов без выходных и отпусков. А когда была пересменка (из ночной смены в дневную и наоборот), то работали по 16 часов. Питались «баландой» и давали по карточке 800 грамм хлеба в сутки, который съедали иногда за один раз. Помню, что я всегда хотела есть.

Зимой 1941-1942 гг. домой иногда не уходила из цеха, т.к. невозможно было добраться до Язовой. Оставалась в цехе и спала на ящиках из-под снарядов. Так поступали и другие девчонки.

Бригадир заметила, что я быстро работаю на конвейере, освоила много операций и посадила меня на первую операцию: клеймение деталей, после этого детали шли на конвейер. Работая на этой операции, я знала, что от моей работы зависит работа всего конвейера. И я старалась, чтобы не было простоя, сама таскала сборки с деталями, а вес каждой сборки 30 кг. За смену таких сборок приходилось перетаскивать сотни.

В течение 1941-1942 гг. нас часто снимали на кинохронику. Многие годы все было «под секретом». Ежедневно на доске показателей проставлялись проценты выполнения нормы по участкам. Производительность труда была очень высокой. А какую зарплату нам платили: сколько и за что, я (как и другие) никогда не интересовалась. Мы работали не за деньги, работали за Победу! Мы работали «не за страх», а на совесть и себя не щадили.

Новый 1942 год я встретила в цехе на своем рабочем месте, даже не думая, что когда-то это был праздник. Мы интересовались лишь сообщениями Совинформбюро, которые в этот период войны были очень печальны. 1941-1942 гг. были самые тяжелые военные годы. Все, что могли, отдавали фронту; уговаривали себя и друг друга: на фронте еще тяжелее и мирились со всем.

В тех житейских боях, в то тяжелое время
Мы не прятались в щели, трудились с лихвой:
Недоедали, недосыпали, не отдыхали,
В Победу мы верили всей душой!

Ф.А. Пивоварова

«Связь вообще святое дело, а в войну еще важней»

И. Пересыпкин, маршал, министр
связи СССР

ВСПОМИНАЯ ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Начавшаяся война круто изменила мои планы. Сдав курсовые экзамены в пединституте, мечтала о пединституте, хотела стать учителем математики. Относительное спокойствие сменилось тыловой жизнью.

Моя сестра, Гояда, после окончания ФЗУ в 1938 г. связи была направлена на работу в телеграф. Она – первая женщина техник на телеграфе.

Очевидно, зная ее подруг, их интерес, ответственность к работе, на семейном совете решили, что мне нужно пойти работать на телеграф, да и хлебная карточка 600 грамм.

Впервые переступила порог телеграфа 7 июля 1941 г. В отделе кадров, как и другие девочки, под диктовку написала заявление: «Прошу принять меня на работу на два месяца учеником Бодо». Все были уверены, что война скоро кончится. Сразу же расписались в приказе о неразглашении тайны переписки. Штат резко изменился. 100 человек, самые опытные, лучшие техники, телеграфисты, были мобилизованы. Их заменили такие же, как я, и еще моложе.

Я считаю, что мне повезло, не забуду тех, кто мне привил любовь к связи. О каждом – отдельный рассказ, большая книга.

На всю жизнь я запомнила уроки Александра Александровича Добырн, старейшего телеграфиста Перми, обучавшего работать на клавиатуре буквопечатающего аппарата «Бодо». Он учил не просто работать, а красиво сидеть, красиво держать руки на клавиатуре, не пропускать ни одного такта.

Обязательно для всех связистов было умение работать на ключе Морзе и быстро читать ленту, этой премудрости требовательно учила Иустиния Ивановна Безденежных. Писали диктанты.

Тяжелые, мудрые правила эксплуатации осваивали на рабочих местах. Телеграмма до адресата – без ошибок. По началу было нелегко. Производственный процесс круглосуточный. Работали 12 часов, через 12, а то и сутками через сутки.

Моим первым наставником была Березина Зоя Николаевна, бригадир магистральных связей. С первого же дня закрепила за мной первый сектор связи Пермь – Москва. Это самый ответственный. По этой связи принимались правительственные телеграммы, сводки Совинформбюро особо важные, в зависимости от категории. Каждая телеграмма наклеивалась на соответствующий бланк. Количество слов, указанные в заголовке, должны соответствовать. Слова пересчитывались. Контрольные сроки соблюдались. Вот например, авиа – 6 минут, правительственная – 20 минут.

Мой первый брак, ночь. Идет сводка Совинформбюро, многословная телеграмма, местами нечитаемые слова, зажигаю аварийную лампочку, подходит техник

и говорит, что это украинский шрифт. Продолжаю прием, глупая шутка. Такого шрифта вообще нет, а есть русский и латинский. С этой телеграммой бригадир Березина Зоя Николаевна разбиралась очень долго. Этот случай мы помним до сих пор. Наши старшие были очень терпеливы и много нам прощали.

На телеграфе никогда не было легко работать. Работа требовала дисциплины, сосредоточенности, глубоких знаний. Каждая минута была на учете. Мы не только повзрослели, у нас прибавлялся опыт и мастерство. Это позволило нам серьезней относиться к порученной работе.

Через два месяца мне присвоили разряд бодиста, а вскоре назначили бригадиром бригады Магистральных связей. В бригаде 23 человека. Рабочих мест больше. Поток телеграмм с каждым днем увеличивается. Объем суточный более 20 тысяч. В Молотов эвакуировалось 124 предприятия, 286 тысяч людей.

Передачу телеграмм, прием первых секторов обеспечивали всегда, прием других – накапливалась гора лент, их обрабатывали после смены, вся бригада.

Помню, как меня вызвал начальник телеграфа и укоризненно сказал: «Слушай, Фрида, ты теперь бригадир, человек солидный. А коли так, по аппаратной не носись и не смейся, как девочка», и тут же добавил: «Видишь, кто у нас теперь работает, - девчонки, которым в пору играть в куклы, а мальчишкам – в бабки, а мы их ругаем за некоторые нарушения». В глазах у него была такая тоска, передать трудно.

Первое мое поощрение за добросовестный труд я получила 7 марта 1942 г. 100 рублей. Бригаде присвоили звание «Фронтальная бригада».

Работа мне нравилась. Работая бригадиром, я приобщалась к технике. Мою просьбу удовлетворили. С 16 февраля 1943 г. я надсмотрщик НДТ, а с 1 марта 1945 г. – техник, с 1 апреля 1945 г. – ТТЧ (сменный инженер).

Технической учебкой занимался Лебедев Михаил Александрович. Всегда терпеливо новичкам рассказывал что к чему и почему нет связи. Другой, очень уважаемый человек, Захаров Иван Дмитриевич, - главный инженер, я нередко вызывала его ночью, потому что не могла войти в связь с Казанью после профилактики, которая совпадала с моей сменой, но ни разу я не слышала замечаний.

В обязанности ТТЧ входила качественная настройка связи. В кроссе и в трансляции работали большие специалисты: Дубровская Гояда Ароновна и Субботина Валентина Ивановна. За светомаскировку отвечали ТТЧ.

Зимой в аппаратной было очень холодно. Мы отогревались у чуть теплых батарей и почему-то в памяти сохранился вкус пельменей и французских булок – саек.

Обмен телеграмм увеличивался с каждым днем. Эксплуатационных материалов не хватало. Вместо бланков – газеты, на Бодо телеграфную ленту пропускали дважды, на Морзе - 4 раза. Некоторые запасные части изготавливали сами, своими силами.

С благодарностью вспоминаю всех, с кем работала. Сплоченность коллектива была во всем, в том числе, и в проведении общих мероприятий.

В годы войны я была секретарем комсомольской организации. После ночной смены 2 часа комсомолцы доставляли телеграммы, принимали участие в строительстве вторых путей в сторону Боковой, принимали участие в сборе средств на

строительство танковой колонны, теплых вещей, в подписке на заем, все не пересчитать.

У нас была, в полном смысле слова, своя программа самодеятельности для госпиталей. Услышанные песни по радио, на другой день звучали у нас. Руководила нами студентка музучилища Мария Горепекина, моя подруга. Я читала отрывок А. Твардовского «Василий Теркин» «О любви». Ходили в театр. Откуда брались силы и время. А была и любовь красивая. Пропуская через себя огромное количество информации, мы были первыми в курсе всех новостей экономической и общественной жизни в стране.

Успех победы решали люди. Их отношение к труду. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1943 г. 8 человек связистов области были награждены правительственными наградами.

9 мая 1945 года. О Победе в Великой Отечественной войне поступила телеграмма раньше, чем прозвучал голос Левитана по радио.

Важную роль играет связь в жизни каждого человека. На сегодняшний день телеграф остается пока единственным видом, имеющим статус официального документа.

Слово «телеграф» – далеко пишу.

Посетите музей связи: он даст вам возможность приблизиться к отрасли связи.

А у меня навсегда в моей памяти осталось ласковое, нежное звучание тактов клавиатуры Бодо и некоторые содержания телеграмм. В 1944 г. я в Ленинград отправила телеграмму с таким текстом: «Желаю океан счастья, море любви и маленький ручеек воспоминаний», и ровно через 40 лет при первой встрече в Ленинграде, я услышала в точности этот текст.

Мой стаж работы в связи более 50 лет.

С.А. Чупин

ВЗРОСЛЕНИЕ МОЕГО ПОКОЛЕНИЯ ПРОХОДИЛО НА ГЛАЗАХ

В марте 1941 г. мне исполнилось 15 лет, я оканчивал 8 класс, учился отлично, собирался продолжить образование дальше, тянулся за своей старшей сестрой, которая училась в то время в Ленинградском технологическом институте. Отец был разнорабочим, мать – домохозяйка, инвалид, но они мечтали нас выучить. К лету 41-го поползли слухи о провокациях на западной границе, но сообщения правительства успокаивали, призывали не поддаваться слухам.

Начало войны поразило нас в глубоком тылу. Мы, пацаны, воспитаны были на таких кинофильмах, как «Три танкиста», «Если завтра война» и т.п.; впечатляли рекорды советских летчиков. Красную Армию мы считали несокрушимой. Думали: вот, дурак Гитлер, куда полез. Да завтра мы в Варшаве будем! Сводки Информбюро поражали, не верилось. Думали, - предательство. Мы тогда были под впечатлением процессов над «врагами народа». Постепенно стала проясняться истина, главным

образом, в технической отсталости нашей армии. Но страха в душах не было, верилось, что мы выстоим.

Первым делом пошел в Кагановический (Дзержинский) РК ВЛКСМ, вступил в комсомол. Почему-то запомнилась фамилия секретаря РК – Горбуновой, была она в морском кителе. Помню и номер билета – 13677241. Райком тут же зачислил меня в комсомольский отряд, встречавший на станции Пермь II эшелоны с эвакуированными с Запада страны предприятиями и людьми.

Так прошло время до 1 сентября. Однажды привел к себе домой семью из Ленинграда (Рословых), эвакуированных с заводом № 629. Потом мать пустила еще одну семью из Харькова (Буровы), с завода «Механолит».

1 сентября пошел в школу, в 9-ый класс. Тут же нас отправили на уборочные работы в Ильинский район, где были два месяца. А в ноябре в школу пришел представитель авиатехникума, отобрал группу ребят и нас отправили на ускоренный поток авиатехникума: весь курс мы должны были пройти за два года вместо четырех. Занятия ежедневно шли по 10 часов, практика на заводе удваивалась. Так впервые я попал на завод им. Сталина в 1942 г. Рабочая смена длилась 12 часов, без выходных. Питание – по карточкам, всегда хотелось есть. Но я жил в доме, в семье, был огород.

Гораздо тяжелее было тысячам ребят, мобилизованных из РУ Татарии, Марий-Эл, Кировской области, Удмуртии. Для них был построен «Юнгородок» из каркасно-засыпных бараков, где в комнатах жили по 20 человек. Кроме карточек у них дополнительного источника питания не было. Многие в бараки «домой» из цехов не возвращались, ночевали прямо в цехах. Но работали здорово, от кадровых рабочих старались не отставать, быстро осваивали профессии. Большинство из них остались на заводе на всегда, выросли до крупных специалистов. Например, Вася Кузнецов – зам. начальника отдела труда и заработной платы завода.

Военные годы резко повлияли на взросление и повышение чувства ответственности подростков. Во многих семьях, где отцы были призваны в армию, заботы по выживанию семьи легли на плечи еще юных, не ставших на ноги ребят, которые до этого не знали никаких обязанностей, кроме учебы. Надо было не только получить заработок, иметь рабочие карточки, но и думать как поддержать домашнее хозяйство (крыша, печь, дрова и т.д.).

Сильное влияние оказывал трудовой коллектив, куда влились подростки. Пример кадровых рабочих, которые стремились во чтобы то ни стало выполнить фронтное задание. Причем, обязательно качественно, надежно, их пример воспитывал соответствующее отношение к труду и у работающих рядом подростков. Эти качества, полученные подростками в военные годы, обеспечили быстрый профессиональный рост в последующие годы. Ребята, получившие закалку на производстве, в наступившее мирное время активно учились, быстро выдвигались на руководящие должности, не имея еще высшего образования. На ответственные работы были выдвинуты Б. Петров, Смехов, И.К. Шитников, Б.А. Якимов, Бржзовский, Дедов, Н.Г. Мальгин и др.

В 1946 г. я уехал учиться в Уфимский авиационный институт. Жизнь тогда для студентов, большинство из которых остались после войны без отцов, была очень тяжелой. Но ребята, пришедшие в институт с производства, выдержали. Не имевшие такой закалки, отсеялись быстро.

СЛЕД ВОЙНЫ В МОЕЙ ПАМЯТИ

Откликаясь на просьбу архива, постараюсь зафиксировать то, что сохранилось в памяти о тех трудных годах, сознавая, что и фрагменты истории желательно сохранить, пока это еще возможно, пока живы свидетели реальных событий периода войны.

Я, Петухов Михаил Александрович, проживал тогда в коммунальной квартире на ул. Советской, 32, а учился в школе № 2, не в новом здании, а еще в старом здании на углу ул. Советской и Комсомольского проспекта. Обыкновенный «дворовой» мальчишка.

Первые дни войны я не запомнил, зато помню, как по улицам шли колонны танков и автомашин, а в небе пролетали эскадрильи самолетов, и все на запад. По железной дороге шли эшелоны с продукцией Мотовилихи, которая зачехленная стояла на платформах с надписью «сельскохозяйственные орудия». А в противоположном направлении, хоть и реже, но шли эшелоны с ранеными, размещаемыми во вновь организованных госпиталях.

Вот уже вышел приказ: заклеить окна крест на крест бумажными лентами и организовать затемнение. На всех пустырях: на Городских горках, перед заводом им. Сталина (ныне «Моторостроитель»), а позже в каждом дворе (в нашем тоже) вырыли «щели» – простейшие бомбоубежища. Доходили слухи, что немцы уже бомбили Горький (Нижний Новгород) и до г. Кирова самолеты-разведчики долетали. До Перми (в те годы это г. Молотов был) не добрались. Однако уже в 1941 г. была совершена диверсия (надо полагать) – сгорел дотла старый речной вокзал. Мы, пацаны, бродили по пожарищу и видели размокшие буханки хлеба, вздутые банки с крабами, расплавленный самовар. Голод тогда еще «не взял за горло».

По настоящему поняли, что война предстоит трудная, когда пошли с мамой к проходной паровозоремонтного завода (ныне им. Шпагина), где толпа людей ожидала выдачи продовольственных и промтоварных карточек.

Начали «уплотнять» коммуналки и прочее жилье, подселяли на высвобождаемую жилплощадь эвакуированных. Эвакуация шла в основном с северо-запада (Ленинград, Калинин и другие города). Так, в залах краеведческого музея разместились фонды Государственного Русского музея, в здании оперного театра обосновался ленинградский академический театр оперы и балета им. Кирова (Мариинский), артистов которого заселили в гостиницу, «семизэтажку». По случаю, и мне лично довелось «подвизаться» на подмостках этого театра в качестве статиста (не всех же эвакуировали), а роли были для меня в «Пиковой даме» - «барчук» в первом акте и «арапчонок» в третьем, да еще и «оруженосца» в опере «Дочь кардинала». Даже платила нам по 9 руб. 50 коп. за выход, но это уже в зиму 1941-42 гг. А летом...

Летом 1941 года тоже события были. Ведь была объявлена всеобщая мобилизация от 17 до 55 лет. В тылу оставались, в основном, невоеннообязанные по инвалидности, пенсионеры, да незаменимые работники по «бронне», да женщины (хотя их ряды тоже поредели с уходом многих из них на фронт). Потребовались дополни-

тельные рабочие руки для замены ушедших на фронт. Потому и нас, двенадцатилетних, посадили на пароход и привезли, кажется, в Осинский район. Там, в забытой по названию, деревне и колхозе поручили нам что-то пропалывать от осота и других колючек. Мне повезло: через несколько дней сенокос подоспел. Посадили меня, городского, на неоседланную лошадь и поручили копны сена доставлять на волокушах к стогам. Особенно приятно было на обед лихо скакать. Сохранились еще в колхозе продукты, и кормили нас по полному рациону: мясом, молоком, яйцами и хлебом. Особо на всю жизнь врезались в память две цифры (видимо, уже тогда я мог анализировать существование), узнанные при расчете за работу (а работали мы всего-то 8 дней) – 2 руб. 11 коп – это я проел за 8 дней всего, т.к. кормили нас в счет госпоставок по заготовительным ценам; и 2 руб. 88 коп. – это мой заработок за трудодни, так что я еще и на руки получил 77 коп. Для сравнения нельзя не вспомнить цены на хлеб в магазинах: ржаной – 95 коп. за кг, «пшеничный» – 1 руб. 10 коп., «белый» – 1 руб. 90 коп. и «ситный» – 2 руб. 90 коп. за кг. Из сравнения видно сколь мало платило государство колхозам за сданную продукцию и сколь мало платили за колхозный труд с утра до вечера. И столь строгое было время, что за собранные в поле колоски судили, как за воровство. Да и на заводах судили за 20 минут опоздания, как за прогул. Очень «строгое» было время.

Позволю себе вспомнить глупый эпизод, который мог обернуться серьезными для меня последствиями. Как-то я, любитель поплавать и понырять, достал со дна Камы трансформатор, распотрошил его, а из пластинки сердечника выгнул подобие совочка. Совочком этим подбирал щепочки ли, афишу ли на заборе подцеплял. Так, недоумок, подцепил и обращение Сталина к народу. Бдительные пешеходы подхватили меня и сдали милиционеру. Тот, оставив свой пост, повел меня в отделение милиции. Реву я, обещаю больше не хулиганить, и милиционер понял, что ведет не «контру», а глупыша-мальчиша, и отпустил меня. Век благодарен я этому милиционеру.

В это время установили 12-часовой рабочий день. Над городом круглосуточный шум от испытываемых на стендах сталинского завода авиадвигателей, да систематически ухали пушки и гаубицы Мотовилихи, отправляя в закамские леса «чушки» без взрывателей и взрывчатки. Начинали работать эвакуированные электромеханический завод, цеха завода из Конотопа (паровозоремонтного), велозавод, завод им. Калинина и др. Все жили по строгому закону: «Все для фронта, все для победы».

Горе, порожденное войной, не прошло стороной ни одну семью. Только в нашей семье «пропали без вести» родной дядя Кирилл, крестный мой дядя Яша, а двоюродный дядя Леня погиб под Москвой. В тылу не было лекарств, и умерли от воспаления легких две мои сестренки, а брата родного не удалось уберечь от полиомиелита. Умер от голода дедушка мой, а отец, не пригодный к службе, уже опухал от голода.

Шла самая тяжелая для нас и для страны зима 1941-42 гг., выживали, как придется. По карточкам полагалось хлеба для рабочих 800 гр. (позднее 700 гр.), для служащих – 600 гр. (позднее 500 гр.), иждивенцам 400 гр. (позднее 300 гр.). Продовольственные карточки отоваривали не полностью или, зачастую компенсировали заменителями (на мясные талоны – грибы сушеные, на жиры – сало-лярд, вместо са-

хара – помадка чуть сладкая, на крупу – макароны – не помню что). И если кто-то терял хлебные карточки, - это было равносильно смерти. Ели какие-то корешки, жевали листья, почки и плодики липы и т.п. Мама моя принесла как-то из заводской столовой картофельные очистки да немного олифы (она в литейном цехе работала, так «сэкономила») и поджарила очистки на олифе – съели за милую душу. Добавлю еще, что зимы в ту пору морозные были – до 40° - норма.

Но, хоть и с потерями, одолели эту зиму. Еще деталь: собрали родители из скромного «гардероба» что-то носительное и на санках в пригород, где за этот мешок шмоток выменяли ведро картошки. А из картофеля вырезали глазки для планируемой посадки, сердцевину же съели. Началась какая-никакая весна 1942 года. Зелень появилась.

По примеру блокадного Ленинграда, где скверы и бульвары превратились в огороды, и пермякам было предложено использовать свободные участки земли под огороды. Нам достался кусочек над Егошихой, где сейчас воинское кладбище у «Скорбящей». Вскопали, запасенные с зимы «глазки», посадили, но другие заботы заслонили в памяти количество урожая.

Наш школьный класс направили в помощь Верхнемуллинскому совхозу. Все лето мы трудились на прополке, прореживании и уборке овощей (турнепс, лук и др.). К осени я получил заработанное – 50 кг моркови, сколько-то лука и немного капусты. Хорошее подспорье. Лишь в редкие выходные удавалось выбраться домой через поселок Красный Октябрь или через Верхние Муллы. Нам даже маленькие лапоточки выдали, но очень уж много на них жирного чернозема налипало, пришлось отказаться.

Новый учебный год для меня, тринадцатилетнего, начался в 7-ом классе. Кстати, иностранный язык нам достался немецкий, ненавистный, как все немецкое. И плакала наша «немка», глядя на нас, игнорирующих уроки, доходящих до хулиганства. Не повезло нам с инязом, что позднее отрицательно сказалось.

По случайному совпадению именно в мой день рождения, 19 ноября 1942 г., соединились войска Юго-западного и Донского фронтов, замкнув кольцо окружения немцев под Сталинградом.

На фоне этих событий состоялся перелом в моей судьбе. Направили наш класс на медицинскую комиссию, которая меня, маленького заморыша, признала «годным для работы в дневную смену». Теперь в районо за направлением. А там и не поверили, что мне уже 14 лет. С уязвленным самолюбием принес я из дома метрики и доказал-таки, что мне уже три недели как 14 исполнилось. Ну, тогда вручили мобилизационное предписание в ремесленное училище № 1 (ныне лицей № 1). Там сформировали группу токарей, в основном из девчонок, скромных – из Чагинского района и шустрых – из города Калинина, да нескольких парней. Так началась моя «боевая» жизнь.

Хиленький физически был «боец», но шустрый и смекалистый. Без напряжения выполнял сменное за 8 часов задание – 360 деталей, имел я немало свободного времени (просто не успевали смежники подготовить мне деталей до полной загрузки), так что изредка работал во вторую (вечернюю) смену, успевал урывками задание свое выполнять, да еще на 2-ой этаж в клуб бегать кино смотреть, которое по частям демонстрировали. На «два фронта» успевал. А еще и ан соседних станках

присматривался да «пробовал». Так я быстро усвоил изготовление любой детали «узла М-13», а это в сборе была свеча зажигания для знаменитой «Катюши». Когда много позднее, обучаясь в Ленинграде, я посетил Артиллерийский музей, то увидел эту свечу на месте в середине снаряда «Катюши», которая вся-то называлась «М-13». Как знать, может та свеча моими руками частично изготовлена или в моей бригаде.

Могу честно погордиться, что уже в июле 1943 г. на конференции Трудовых резервов при вручении мне нагрудного знака «Отличник государственных трудовых резервов» генерал А.Г. Солдатов, тогдашний директор сталинского завода, ручонку мою пожал. А в августе 1943 года в областной газете «Звезда» появился фотоснимок, на котором я, мальчишка в тубетеечке, за револьверным станком стою, а к фото стихотворение под заголовком «Стахановец Петухов». А в мои 15 лет меня «произвели» в бригады комсомольско-молодежной фронтовой бригады им. Героя Советского Союза Юрия Смирнова.

Учитывая непредвиденный голод зимой 1941-42 гг., весной 1942 года стали горожанам выделять участки свободной земли. Нам досталась вырубка в 4-х километрах от ст. Сылва, на которой мы пни корчевали и выжигали да на плодородной целине картошку посадили. Маме моей, имеющей отношение к железной дороге, льгота досталась – проездной бесплатный билет до Сылвы. Вот благо, и на «огород» свой, и за грибами-ягодами ездить можно стало. Так и вторую военную зиму перебивовали. Пободрее народ себя почувствовал и охотнее подписывался на гос. займы, а то и просто _ в «Фонд обороны». Впрочем, и деньги тогда ничтожную цену имели. Среднего заработка рабочего, около 400 рублей, хватало на то, чтобы отварить картошечки, а рынок был недоступен. Спекулятивные цены доходили до: хлеб –150 рублей за кг, спичечный коробок табака и одна «беломорина» – 5 руб., спички – до 15 руб., водка – аж до 500 рублей. Остальное не запомнил, ибо покупать не приходилось. Меня-то в ремесленном, хоть и не очень жирным, но 3 раза в день потчевали. К слову, за свою стахановскую работу я премии чуть ли не каждый месяц получал, но не деньгами, а вещами (брюки или гимнастерка х/б, белье нательное и др., но такого размера, что я из него «выпадывал», а потому все доставалось отцу). Для училища тоже где-то за «Липовой горой» участок под подсобное хозяйство выделили, так что и там довелось целину поднимать, ночуя в землянке. Однако и забота о нас, голодающих проявлялась: сняли в какой-то деревне избу и организовали там «дом отдыха». И мне недельку или две довелось там подкормиться. Тут я практичность проявил – грибы собирал да в сельпо сдавал для засолки, а расплату получал спичкам: 55 коробок домой привез – до конца войны хватило.

Зима 1943-44 гг. для меня ничем особо не примечательна. Привыкли, должно быть, и к хорошим сводкам с фронтов, и к упорной работе в цехе. Да и жить стало легче – все же своя картошка, вытащенная на «горбах» наших с сылвенского огорода, грибы-ягоды и прочая подножная зелень, – чем не жизнь! К тому же на шпакетном заводе собрали с рабочих денюжат, кто сколько может, да и отправили в освобожденный Коногон за продуктами. Привезли не только картошку, но и кукурузу и разноцветную фасоль, чего мы еще не видели.

Эвакуированные возвращались в освобожденные родные места. Уехали в Ленинград и трое ребят, использовавшихся художниками-оформителями в нашем РУ

№ 1. А так как я еще и находил время для занятий в кружке рисования, где и был замечен, то предложили мне заменить этих ребят. Так, вместо карьеры станочника, вступил на стезю искусства. Это к слову пришлось, но ведь все тогда делалось для войны или того, что сопутствовало ей, проклятой.

Девятое мая осталось навсегда в памяти поколений, переживших войну. У меня растерянность – то ли в рабочей одежде идти на работу, то ли в выходной. Какая там работа, когда к семи часам утра на стенах домов, на заборах мелом крупно: «Ура, победа!».

Первый день мира для меня – это картина всеобщего ликования с обниманиями и целованиями и, хоть мало видными слезами на глазах о тех, кто не дожид до этого светлого дня. Пустырь перед проходными сталинского завода, РУ № 1 и фабрикой-кухней, на котором всю войну функционировал «хитров рынок» весь день был территорией радости и стихийных ракет.

Т.И. Николаева (Вшивкова)

ПАМЯТЬ О ВОЙНЕ ЖИВЕТ СО МНОЙ

Первый день войны мне запомнился на всю жизнь: 22 июня 1941 г. мы собрались во дворе школы, чтобы поехать в Кунгурскую ледяную пещеру. И вдруг по радио объявили: «Война с Германией, бомбят наши города!». Взрослые говорили, что за 2-3 недели, в крайнем случае за месяц мы их (немцев) шапками закидаем. И мы спокойно уехали на экскурсию. Очень понравилась вся поездка и пещера.

В РУ № 1 я поступила в июле 1941 г. в возрасте 13 лет. Месяц работала в мастерских училища, а затем меня перевели в цех № 30 завода им. Сталина (Свердлова). В цехе я попала в тяжелейшие условия. К станку подставили «ступеньками» два ящика. На резьбошлифовальных станках нужно было нарезать шлифовальным кругом резьбу на шпильках с двух концов предварительно и окончательно. Цикл одной нарезки – 1 минута. И так всю смену – 12 часов от одного станка ко второму – 600 раз. Норма была 150 шпилек. Не выполнить сменную норму нельзя, без нее не будет собран авиадвигатель! Бывало, поспим за станком на ящике и еще останемся, если не успели выполнить норму или не вышла (заболела) сменщица. Женщины не выдерживали такого ритма, падали даже в обморок. Поэтому на участке работали девочки 14-15 лет из РУ № 1. Работать приходилось под струей машинного масла (для охлаждения детали) и в брезентовых ботинках на деревянной подошве, в холодном цехе. После войны лет 15-20 у меня не заживали следы от гнойничков на руках, животе, бедрах. И на всю жизнь остался ревматизм, боли в суставах, особенно в сырую погоду.

Мне запомнился один жуткий случай. В тамбуре туалета были горячие трубы парового отопления. Мастер отпуская нас иногда подремать, стоя возле них хотя бы минут 5. Одна женщина будничным голосом спокойно говорила другой: «Знаю, что умру. Но нужно умереть в начале месяца, чтобы семье остались мои хлебные и довольственные карточки».

С 1943 г. я работала уже по 8 часов и стало легче. Меня перевели в цех № 61, инструментальный, контролером, работать в одну смену. И мы с моей подругой Юлей Рощенко поступили учиться в 7 класс вечерней школы рабочей молодежи, готовились продолжить учебу в техникуме. Для этого нашли старенькую бабушку – учительницу, которая была нашим репетитором по математике. Мы расплачивались с ней половиной нормы хлеба за неделю, а вторую половину ели пополам! И не зря!!! Эта учеба помогла мне не только поступить в Куйбышевский индустриальный техникум министерства трудовых резервов, но и закончить его с отличием в 1948 году. И через 12 лет, уже имея двух детей (5 и 11 лет), я продолжила учебу и закончила успешно Пермский политехнический институт.

Несмотря на тяжелые условия работы и скудное питание, мы жили полноценной жизнью: танцевали на танцплощадках в клубах города и сада им. Горького, смотрели кинофильмы, выстаивали двух-трех часовые очереди за билетами в оперный театр, где блистали такие звезды, как Галина Уланова и Майя Плисецкая, артисты Ленинградского академического театра оперы и балета им. Кирова.

В.И. Перебатов

МОЯ ЮНОСТЬ ПРИШЛАСЬ НА ГОДЫ ВОЙНЫ

Моя юность пришлась на тяжелые военные годы. Война началась, когда я только-только закончил 49 Пермскую (тогда еще Молотовскую) школу. У нас еще не прошел выпускной вечер, когда она грянула. Собственно, грозовая обстановка уже стояла в воздухе последние годы учебы. И даже мы ее воочию ощущали. В нашем классе к выпускным экзаменам остался только один мальчик – им я и был. Остальные в 8-9 классах ушли в военные училища. Да и я пробовал это сделать, но из аэроклуба, куда подал заявление и начал ходить на занятия, меня неожиданно отчислили по зрению. На него я никогда ни прежде, ни после не жаловался, да и сегодня в свои 80 лет читаю без очков. Но тогда...

Планы мои были полностью разрушены, хотя школу я закончил с серебряным аттестатом. Отец мой, Перебатов Иван Данилович, старый и опытный учитель и директор одной из славившихся в будущее время школ – 77 мотовилихинской, воспитавшей 9 будущих героев Советского Союза, кстати, воспитавшей их при его участии, перед войной и в ее первые годы работал на Мотовилихинском заводе в отделе подготовки кадров. Так вот он, после моих многократных и безуспешных попыток попасть в армию, определил меня в рабочие того же завода.

Я стал вначале трудиться учеником токаря, а потом стал спекальщиком победитовых пластин. Дело это было новым. И для всего маленького коллектива нашей вновь организованной мастерской и для такого старого пушечного завода. Новым, но и важным. Тем более в такое грозное и трудное время, когда наша войска отстаивала честь и независимость Родины. Победитовые резцы и метчики были очень нужны военному заводу для ускорения производства, так требующегося фронту оружия. Как и все мотовилихинцы, мы работали много и напряженно. Справлялись

с нелегкими заданиями. Но успевали не только в труде. Я, например, и в то время участвовал в клубной самодеятельности – играл в спектаклях драматического коллектива, который у нас в городе считался одним из лучших. А в 1942-1943 годах, когда я участвовал в его работе, в нем было немало москвичей и ленинградцев, эвакуированных на наш завод талантливых самодеятельных актеров, и постановки, с которыми мы выступали, были всегда на хорошем художественном уровне.

Такая спрессованность нашей жизни и труда способствовала, как ни странно, решению многих задач того времени. Вроде бы, даже, казалось невозможных, невыполнимых в обычных условиях. Кстати, и сегодня это кажется не очень естественным. Даже нам, пережившим все это. Как же так?!

А ведь на мою долю пришлось и такое...

В конце 1943 года я оказался победителем конкурса дикторов областного радиокомитета. Меня утвердили диктором, так как к тому времени дикторов-мужчин на областном радио уже некоторое время не было. И мне предложили буквально завтра выйти на работу. Но ведь чтобы уволить рабочего с военного завода в то время – дело было, ох, каким сложным. Несмотря на вмешательство обкома партии, процесс с моим переходом длился почти месяц. А я? Я работал и на заводе, и в областном эфире – диктором. На заводе, по-прежнему, спекальщиком. Днем или ночью – у электрических печей, где спекался тот самый твердый как алмаз победит, способствующий победе в войне, а вечером – на передачах, которые тоже работали для победы. Хотя об этом, в конце – концов, тогда думать не было времени. Это уже потом, после победы, пришли на ум такие мысли.

Так вот, только 20 января 1944 года, когда было получено окончательное решение заводской администрации, моя работа на радио была определена. Но даже в этот период двойной нагрузки у меня было много встреч: с фронтовиками, приезжавшими в командировку, с рабочими разных предприятий области, стоящих на фронтовой вахте, с героями фронта и тыла, с теми, кто был эвакуирован в Молотов из Ленинграда, с Украины, из Белоруссии.

А потом начались будни радиийной работы, в которой я уже был на диктором, а редактором, вел собственные передачи. Позднее, уже на телевидении, в становлении которого я принимал самое деятельное участие, я дорос и до главного редактора телевидения.

Я всегда, конечно, помнил, что пришел на радио и телевидение с завода и, главное, в какое время – в дни Великой Отечественной войны. И, конечно, в моем творчестве она занимала очень важное особое место. Не случайно десять лет подряд я вел по телевидению передачи «Солдатская почта», где наряду с воспитанием молодых солдат, рассказывал историю целого ряда воинских соединений, таких как Уральский Добровольческий танковый корпус, различных частей гвардейских минометчиков, собирал выпускников наших военных училищ и Ленинградского дважды Краснознаменного пехотного училища, работавшего в годы войны в Березниках. В мою передачу писали и в ней участвовали сотни фронтовиков. И этим я горжусь.

Ведь кто бы знал о том, как тракторист из Еловского района Еловиков прошел всю войну на своем тракторе ХТЗ, который был мобилизован вместе со своим водителем.

Кто бы узнал обо всех 20 с лишним фронтовых письмах молодого солдата Алексея Бухаринова из поселка Шемейный Усольского района, погибшего под польским городом Дануич. О письмах, в которых просто, по-семейному говорится о короткой по-своему прекрасной жизни молодого человека, попавшего на фронт.

О многих моих поисках, находках и встречах радиослушатели и телезрители узнали. И уж, конечно, не только о событиях того героического времени.

За 50 лет моей журналистской деятельности было много разных тем, героев, интересных людей. Ведь и очерков, корреспонденций, репортажей, телеспектаклей и даже простых заметок не считанное количество. Число их пошло за тысячу. Только список их героев занимает много страниц.

М.Н. Степанов

БУДНИ ТЫЛА В СЕЛЬСКОЙ ГЛУБИНКЕ

Великая Отечественная война потребовала предельного напряжения всех сил нашего народа на достижение победы над фашистской Германией. С огромной самоотдачей народное хозяйство страны обеспечивало фронт всем необходимым для победного завершения войны. Ушедших в армию мужчин заменили в тылу женщины, подростки, старики. Особенно сложным и тяжелым положение было в сельском хозяйстве.

Автору данной публикации довелось в 1942-1944 гг. трудиться сперва в политотделе Больше-Кустовской машинно-тракторной станции (сокращенно – МТС) Больше-Усинского района, куда он был направлен тогдашним Молотовским обкомом ВЛКСМ в качестве помощника начальника по комсомольской работе, затем в должности первого секретаря Больше-Усинского райкома ВЛКСМ¹.

Прибыв в начале марта в пограничное с Башкирией село Ошья, где располагалась МТС, сразу включился в практическую деятельность политотдела. Шла всесторонняя подготовка к весеннему севу – первому севу в условиях войны. В армию ушли почти все трактористы, многие комбайнеры и рабочие ремонтных мастерских. Практически остались только непригодные для строевой службы, например, старший механик Н.И. Солдатов без пальца на руке или с бельмом на глазу А.С. Килин, вскоре оказавшийся лучшим комбайнером района. Освобожденные от мобилизации опытные пожилые трактористы распределялись в качестве бригадиров по одному на каждый тракторный отряд.

¹ Степанов М.Н. Политотдел Больше-Кустовской МТС в 1942-43 гг. // Бессмертный подвиг народа : Тезисы докладов и выступлений научно-практической конференции 27 апреля 2000 г. – Пермь. 2000 – С. 19-22; Степанов М.Н. Политотдел Больше-Кустовской МТС во время Сталинградской битвы // Великая битва на Волге. – Пермь. 2002. – С. 96-102; Степанов М.Н. В годы войны: начало и конец // Канун и начальный период Великой Отечественной войны 1941-45 гг.: Материалы научно-практической конференции 22 июня 2001 г. Пермь. – ГАНИиОПДПО – Пермь. 2001. – С. 65-68.

Почти во всех девятнадцати отрядах (а обслуживали они 26 колхозов, входивших в зону МТС) преобладали женщины и девушки. А в девяти отрядах они составляли абсолютное большинство – 75-100 %. Трактористы-мужчины почти все были представлены ребятами-допризывниками, которые по мере достижения своего возраста уходили воевать. На их место заступали новые, которых готовили на ежегодных курсах при МТС, причем, разумеется, также готовили и девушек, затем заменявших мобилизованных. В результате число трактористок неизменно увеличивалось, а трактористов – сокращалось. Естественным резервом для курсантов были прицепщики – так называли подростков, работавших на прицепном инвентаре – плугах, боронах, культиваторах, сеялках. В общем, все тракторные отряды Больше-Кустовской МТС, включая женские, в те годы являлись молодежными. Из их числа пять отрядов считались комсомольско-молодежными.

Работа на тракторах, особенно для молодых девушек была нелегкой. Мягкие сидения имели только три гусеничных трактора, причем лишь один из них – СХТЗ-НАТИ – был оборудован кабиной для водителя. Другие два и все остальные – более полусотни колесных самой массовой тогда марки СХТЗ – никаким укрытием от капризов погоды не обладали: к тому же сидение на последних было металлическое, холодное, что вредно воздействовало на женский организм. Трактористки выходили из положения благодаря тому, что набрасывали на такие сидения ватники и разную ветошь, даже шили специальные стеганые чехлы.

Эти трактора заводились вручную с помощью рукоятки, крутить которую многим девушкам и женщинам было не под силу. Если трактор глох в отсутствие бригадира, то на помощь к трактористке в таких случаях приходили прицепщики, да и вообще все, кто оказывался поблизости. Кто-нибудь из присутствовавших – непременно самый сильный – брался за рукоятку, к ней прикреплялась особо припаянная на такой случай крепкая веревка, за концы которой ухватывались все свидетели происшествия и резкими рывками по очереди тянули в разные стороны от трактора, помогая «крутильщику». При этом самым сложным было преодоление «мертвых точек» при горизонтальных положениях рукоятки...

Все тракторные отряды, все трактористы и другие механизаторы, как, впрочем, все колхозы, полеводческие бригады, животноводческие фермы, все труженики сельского хозяйства соревновались за наилучшие результаты в работе ради скорейшего достижения победы над врагом. В рамках Больше-Кустовской МТС особо развернуто было соревнование среди женских отрядов и трактористок, а также среди комсомольско-молодежных отрядов и молодых механизаторов. Особенный накал соревнование получило во время Сталинградской битвы.

Среди женских тракторных отрядов в 1942 г. первенствовал отряд № 1 (колхоз им. Сталина, бригадир Горбунов), затем шли отряды № 14 и 2 (колхозы «Искра» и им. Калинина, бригадиры Быков и Богданов). Победительницами соревнования в личном зачете стали трактористки Валентина Горбунова, Анастасия Масленникова, Анна Макарова (трактора № 61, 3, 37). Хорошо зарекомендовавшие себя на работе и проявившие незаурядные организаторские способности упоминаемая Масленникова,

а также Анфиса Меркульева были выдвинуты по итогам 1942 г. в бригады тракторных отрядов².

Коллективу МТС, особенно женщинам и молодежи, подавляющее большинство которых трудилось на механизмах только первый год, приходилось, повторяем, преодолевать большие трудности. Связаны они были и с изношенностью машинного парка – лучшие трактора ушли в армию, - и с острейшим дефицитом запасных частей, и с постоянными перебоями в снабжении горючим и смазочным материалами. Неизменно сказывался недостаток опыта. И, что греха таить, имели место случаи откровенного разгильдяйства, особенно среди подростков, из-за чего пришлось наказать в административном порядке девять человек, а четырех трактористов даже перевести в прицепщики³.

Чтобы облегчить труд трактористок и придать им больше уверенности, там, где была возможность, к ним в качестве сменщиков назначали парней-допризывников. И тут нередко возникали романы. А один из них – между Валентиной Козловой и Юрием Суворовым в колхозе «Первомайка» – завершился даже появлением ребенка! Хотя его папа при этом оказался весьма моложе мамы, что, разумеется, вызывало немалые пересуды «окрестного населения».

Поскольку вновь принимаемые комсомольцы в подавляющем большинстве рано или поздно неизбежно уходили в армию, постольку первичные комсомольские организации по мере продолжения войны по своему составу все более становились девичьими. К началу 1943 г. в зоне МТС комсомольские организации действовали в 13 колхозах (из 26), а вместе со школьными и территориальными их было 22, в которых насчитывалось более 200 человек⁴.

Наиболее крепкие комсомольские организации, возглавлявшиеся энергичными инициативными секретарями в известной степени выполняли функции первичных партийных организаций ВКП(б), которых тогда в зоне МТС было всего две и обе располагались в самой Ошье: ни в одном из колхозов зоны партийных организаций не существовало. Комсомольский актив явился надежной опорой проведения всех хозяйственно-политических кампаний и отдельных важных мероприятий как в зоне МТС в целом, так и в конкретных колхозах, организациях, учреждениях, на предприятиях, в деревнях и селах. Комсомольцы показывали пример в работах на пахоте и посеве, сенокосе и подъеме паров, уборке урожая и вспашке язби, обмолоте зерновых и особенно на хлебозаготовках, которые в Больше-Усинском районе проходили особенно тяжело из-за его удаленности от приемных пунктов Заготзерно, бездорожья, истощенности немалой части конского поголовья (на всю зону, на все колхозы и предприятия имелась всего одна (!) МТСовская потрепанная грузовая газогенераторная машина, забракованная для армии и работавшая лишь в летнее «ведро»). Без комсомольского актива не обходилась ни одна кампания по подписке на государственные займы, по сбору металлолома, по сбору подарков для фронтовиков и многие-многие другие...

² ГОПАПО. Ф.109. Оп.1. Д.38. Л.52, 52об.

³ Там же. Л.57-58об.

⁴ ГОПАПО. Ф.109. Оп.1. Д.38. Л.252об.

Живо возникает в памяти кипучая деятельность секретаря комсомольской организации колхоза «Красный Восход» Таисии Старковой. Будучи бригадиром полеводческой бригады, она тесно сплотила комсомольцев колхоза, всего 12 человек, но – «мал золотник да дорог». Среди них оказались наиболее старательные полеводы, кузнец, конюхи, счетовод, учетчица. Обсудив работу нередко бражничавшего председателя колхоза, комсомольцы признали ее неудовлетворительной, добились его замены. Организовав соревнование молодых пахарей, бороноволок, сеяльчиков, провели посевные работы в рекордно короткие сроки. И все другие хозяйственные мероприятия, благодаря инициативному участию комсомольцев, проходили успешно и вовремя. В ходе хлебозаготовок устраивались «красные обозы» в фонд Красной Армии, причем, решающую роль в их проведении, как, впрочем, и в других колхозных делах, сыграло отличное состояние лошадей в результате неусыпных забот о них конюха комсомолки Житниковой. Регулярно выпускались «Боевые листки», проводились громкие читки газет, что способствовало трудовому подъему колхозников. Эта комсомольская организация была признана лучшей в районе, а сам колхоз вышел в число передовых⁵.

Мало в чем уступали Т. Старковой комсомольские вожаки колхоза «Гражданин» Павел Лагунов, затем выдвинутый на должность председателя Тымбайского сельсовета, колхоза «Верный путь» - Надежда Моисеева, колхоза «Нива» - Екатерина Кустова и многие другие.

В ответ на героическую оборону Сталинграда создавались комсомольско-молодежные фронтовые бригады, внесшие весомый вклад в трудовые достижения колхозов района. Так, поллиторганизатор такой бригады, в том же «Гражданине», комсомолка Зоя Снигирева «буквально горела на работе, заражая своим личным примером всех (...), являлась на конный двор еще ночью, сама проверяла готовность упряжи, саней, кормление лошадей, тщательно следила за дисциплиной», что положительно сказывалось на всем настрое бригады и результатах ее работы⁶.

Женщины и молодежь Больше-Усинского района, включая зону Больше-Кустовской МТС, самоотверженным трудом внесли свой посильный вклад в дело Великой Победы.

Е.З. Болтачева

ПОБЕДУ ВСТРЕТИЛА В ОХАНСКЕ

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. встретила меня в г. Оханске Молотовской области. Узнала я о ее начале при необычных обстоятельствах. После окончания первого курса педучилища (1940-1941 уч.г.) мы – Рукавицина Аля, Машковская Дуся и я задержались с выездом домой в Чусовской район. Жили мы в это время в очень дружной доброжелательной семье Тепляковых на ул. Красноармей-

⁵ ГОПАПО. Ф.109. Оп.1. Д.57. Л.236.

⁶ Там же. Л.255.

ской, старались чем-то помочь тете Нюре по хозяйству. 22 июня 1941 года утром, когда все еще спали, радио было выключено, а я напросилась угнать в табун корову. Здесь от женщин услышала это страшное слово: война! С горестным сообщением вернулась в дом.

От руководства г. Оханска поступило срочное распоряжение: отправить по домам, задержавшихся в городе студентов. Посадили нас на колесный речной транспорт. Когда мы добрались до ст. Пермь I, Соликамский поезд уже ушел. Пришлось голодными ждать сутки, чтобы доехать до ст. Усьва, а потом попасть домой.

Лето я проработала в своем колхозе.

К началу нового учебного года (1941-1942 гг.) вернулась в педучилище. Стендию отменили, учеба стала платной – 150 рублей в год. По тем временам это были большие деньги. От родственников помощи никакой. Пришлось подрабатывать, помогая уплатить за учебу семья Тепляковых.

В городе шла отправка на фронт, введена карточная система на продовольственные и промышленные товары. Нам давали хлеба по карточкам 400 граммов на день и через день дополнительно по 100 грамм. Весной многие студенты ходили на луга за щавелем и диким луком. Особенно трудно жилось тем, кто в Оханске и районе жил без родителей.

На втором курсе одна из учащихся заболела тифом. Остригли всех девочек в общежитии наголо. На занятия ходили в платках, косынках. В город начали поступать эвакуированные, дети-сироты, из Молотовского педучилища учащихся перевели в наше. В здании педучилища разместился госпиталь, а потом эвакуированная 7-я Сталинградская школа ВВС.

Училище начало работать в здании старой больницы. Занимались в 3 смены: с 6 утра до 12 часов ночи. Перебегали из одного здания в другое. Отопление было печное, естественно, в аудиториях было холодно, занимались в верхней одежде, чернила замерзали. Освещение – керосиновые лампы.

Время до занятий уходило на разгрузку теплоходов, привозивших раненых, на дежурство в госпитале. Из колхозов нам привозили шерсть, мы ее обрабатывали, пряли, вязали носки, варежки, отправляли посылки и письма на фронт. Прибыл в Оханск теплоход «Сталинская конституция». Нас всех сняли с уроков для его разгрузки. В районе Сталинграда немцы теплоход бомбили. В каютах не было стекол, кругом пробоины. Раненые были укутаны в одеяла, шинели, на головах были шапки или полотенца. Ослабленных пришлось в госпиталь нести на носилках. Справились. Но когда работники госпиталя решили, что бойцов будут мыть девчонки-студенты, вот, тут пришлось мне, как начальнику сандружины города, секретарю комитета комсомола педучилища выразить протест. Отстояла девчонок.

В сентябре уехали на месяц в колхоз на уборку урожая. Выделяли, обычно, нам свободную избу, спали на соломе. Хлеб нам пекли, а еду готовили сами. Лично у меня не было одежды и обуви для работы в поле. Была поваром. Готовила еду в русской печи на целый день. Нужно было решать вопросы о дровах, воде, мыть посуду, прибрать жилище, получить в колхозе продукты: картофель, капусту, муку для тюрки, молоко. Работы хватало. Было большой радостью сходить в баню, куда сердобольные колхозницы иногда приглашали.

С нашей группой ездил Кедров Александр Васильевич – преподаватель русского языка и литературы. Человек уже в годах, не совсем здоровый. Ел он вместе с нами, спал на раскладушке где-то в закутке, имел раскладной стул – единственная его привилегия.

До сих пор в памяти сохранились огромные поля, запорошенные снежком. Рожь скосили, но убрать не успели, картофель тоже, это должны были делать мы. Больше было некому, ведь в деревне оставались старики, дети, женщины. У последних была своя работа.

В течение военного времени, нам всегда напоминали об бдительности, умении защищать Родину, быть готовыми выполнить любое задание. Учили этому нас.

Было введено в училище военное дело. Помню, как зимой проходила игра «Защита города». Ее участники молодежь Оханска, курсанты школы № 7 ВВС (защита и нападение), студенты педучилища – санбатальон, которым пришлось руководить мне, как начальнику сандружины. Ох, и досталось нашим девочкам! Нужно оказать квалифицированную медицинскую помощь по заданию посредника, вывести, вынести по глубокому снегу с «поля боя» бойца, а если учесть еще, что кругом шла стрельба, взрывались танки (бутафория)! Справились! Город защитили!

Для учащихся Оханской средней школы проведена была игра «Задержи шпиона». Она прошла на площади города вечером, но собралось много зрителей. Все думали, что правда был шпион, вез зерно из деревни. «Шпионом» был Нецветаев Иван – член бюро Оханского райкома комсомола. Задержали и если бы не отобрали его, то крепко бы поколотили. Игра удалась.

В школах района было введено военное дело. Преподавателями назначались вернувшиеся по ранению бойцы. Меня назначили внештатным инструктором военкомата (уже по окончанию педучилища), поручили проводить семинары для военруков. Для этого я была направлена на областной месячный военный сбор. А из училища на фронт уходили преподаватели: Старцев П.А., Рукавишников М.В., фельдшер Чебыкин Б.В., Лоскутов. Провожали на войну и ребят: Вяткина В., Бояршинова Г., Пустовалова Б., Попова М. Это только из нашей группы. Во время войны необходимо было поднимать и моральный дух населения. Поэтому пришлось активное участие принимать в проведении концертов для населения и в госпитале. Репертуар концертов состоял из военно-патриотических песен и стихов, отрывков из драматических произведений, задорных танцев и частушек, юмора и сатиры.

На первом курсе я вступила в комсомол, была членом комитета комсомола, а затем секретарем. Ежедневно в группах училища, в общежитиях проводились политинформации, подводились итоги учебы за неделю, смотр внешнего вида учащихся, организация соревнований среди общежитий. Ставили в училище спектакли «Цыгане», «Живой труп», «Русалку». Руководил художественной самодеятельностью Лоскутов, бывший художник областного оперного театра, а в войну работал преподавателем в нашем училище. Работал драмкружок, был струнный оркестр.

В конце третьего курса меня утвердили инструктором Оханского райкома комсомола. Хлебная карточка – 800 гр., зарплата. Жить стало легче, но надо было работать и одновременно сдавать госэкзамены. Весь аппарат райкома ВЛКСМ переживал за меня. Сдала. Училище окончила.

По окончании учебы обеспечили нас необходимыми вещами: девчата получили берет, из добротного материала белую блузку и черную юбку, чулки, ботинки, две простыни. Нужно, конечно, за все заплатить, но мы были очень рады. Осень 1943 года была направлена уполномоченной в колхоз «Новый путь» по уборке урожая и организации «красного обоза» по сдаче хлеба государству. Приехала в парусиновых туфлях и легкой курточке. Начались дожди, холода. Где-то достали кирзовые сапоги, фуфайку, кто-то из колхозниц дал мне теплый платок. Одели. Целый день нужно было быть на полях, решать вопросы организации сдачи хлеба, а ночью быть на переключке, которую проводил райком партии, райисполком и всегда быть готовой ответить: сколько убрано, намолочено, выкопано картофеля, как готовы к сдаче зерна и т.д. Едешь, бывало, обратно по утрам в колхоз и боишься уснуть и упасть с лошади (ездила верхом). А днем опять по полям идешь. «Красный обоз» организовали, хлеб сдали до последнего килограмма и освободили от этого задания меня – девчонку.

Этим я была обязана первому секретарю райкома партии Субботину Георгию Максимовичу. Память о нем сохранилась до сих пор, как об умелом руководителе, настоящем человеке, хорошем главе дружной семьи. Из райкома комсомола отправили меня в Березники двухкомплектную школу, а затем в Оханскую среднюю школу старшей пионервожатой. Работать нужно было по специальности. Когда работала в райкоме комсомола, то купила два билета денежно-вещевой лотереи. По одному выиграла пальто стоимостью 7 тысяч с воротником черно-бурой лисицы. Радость была не только моя. Родовались все, кто меня знал. На голове берет, шикарное пальто, а на ногах ничего. Искали по всему Оханску. Нашли фетровые боты.

Оханск помню до сих пор. Здесь я встретила добрых, отзывчивых людей. Здесь прошли самые трудные, но не забываемые годы и в какой-то мере счастливые годы моей молодости. Здесь нас воспитывали, учили и всегда были вместе с нами прекрасные учителя: Персианцева Нина Александровна, Шилова Антонина Елизаровна, Казанцева Мария Андреевна, Максимов Александр Александрович, Овчинников Павел Григорьевич и многие другие.

Победу встретила в Оханске. Принесла радостную весточку в наш дом директор школы Богоявленская С.В. Жила я тогда рядом со школой.

9 мая 1945 года действительно был всенародный праздник радости и грусти. Никто не собирал людей, народ сам шел к зданию райкома партии, где и состоялся митинг.

М.А. Носкова (Шардакова)

ДЕНЬ ПОБЕДЫ ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ

Во время войны в п. Зюйкака Верещагинского района из г. Ворошиловграда был эвакуирован военный завод «XX лет Октября», выпускавший гильзы артиллерийских снарядов для 75-ти миллиметровых пушек.

В сентябре 1944 г. прямо со школьной скамьи, в 17 лет, военкомат направил меня на работу на этот завод в качестве приемщицы ОТК. Я имела личное клеймо «качества» и ни разу не пропустила брак. Ни одна партия снарядов не была возвращена с испытательного полигона.

После освобождения Донбасса от немецких оккупантов завод эвакуировался снова в г. Ворошиловград, вместе с заводом уехала и я.

На Украине я увидела разруху, причиненную фашистами. Город был полностью разрушен и от прежнего завода остались только стены.

Несмотря на дождь и снег (без крыши над головой), завод продолжал работать, выпускать гильзы для снарядов. А по субботам и воскресеньям все в обязательном порядке принимали участие в субботниках по восстановлению завода. Работали по 12-14 часов в сутки. Все мы чумазые, холодные, голодные, т.к. отопления на заводе не было, обогревались чугунами с выбитым дном, туда засыпали кокс или уголь, затем закрывали чугунной крышкой. Кокс мы засыпали сами, постоянно поддерживали огонь и поочередно бегали к этим чугунам, чтобы отогреть руки и снова шли на рабочие места, но духом не падали, верили, что скоро придет Победа.

Обстановка в городе была напряженной, т.к. после освобождения там много оставалось бандеровцев, которые бесчинствовали: в позднее время нельзя было выходить на улицу, грабили, раздевали, убивали, вырезали в домах целые семьи. В опасных местах и около завода день и ночь стояли наши вооруженные автоматчики и если приходилось задерживаться на работе, то провожал автоматчик до более безопасного места улицы.

Никогда не забуду тот день радости – день Победы. Вдруг в 6 часов утра 9 мая 1945 года в цех приходят офицеры, для меня в то время казалось, что уж очень высокие чины, все они были в папахах, и вдруг раздаются слова: «Прекратить работу. Победа!». Это было что-то непредсказуемое и незабываемое. Все начали целоваться, реветь, обниматься. И когда мы вышли на улицу с завода, город уже гудел. Слышались отовсюду крики радости, стучали в окна во все хаты и дома, чтобы сообщить такую радость (многие еще спали). Где-то уже слышны были звуки баяна, а вечером был дан салют.

На всю жизнь остался у меня в памяти этот день – день Победы.

В ноябре 1945 года меня перевели в спец.отдел на секретную работу на должность инспектора, где я проработала четыре месяца. Война уже закончилась и завод перешел на выпуск мирной продукции. Я уволилась и уехала на Урал к родителям.

А.Ф. Уточкина

ПОДОБНАЯ ДОЛЯ БЫЛА У МНОГИХ ЖЕНЩИН

У старшего поколения в первые дни война вызвала, наравне с другими чувствами, удивление, недоумение от неожиданности нападения фашистской Германии; еще многие верили в скорый исход войны. Однако война продолжалась, неся разрушения, горе и страдания.

К началу войны я была почти взрослым человеком. Мне было 16 лет. После окончания 7 класса в 1940 г. я поступила в Пермскую железнодорожную фельдшерско-акушерскую школу. В начале 1941 г. было объявлено об уплате за обучение. Родители мне продолжить обучение не разрешили, т.к. в семье было шестеро детей, отец работал один, кредитным инспектором госбанка, мать домохозяйка. На мое содержание в Перми и плату за учебу средств в семье не было.

Я вернулась в Карагай. Исполнилось 16 лет мне 11 марта, а 19 марта был подписан приказ по району о направлении на работу в К-Демьянскую НСШ пионерским работником.

Отец был еще дома, но в декабре 1941 г. в ПВК ему сообщили о скорой мобилизации. Он принял меры по освобождению меня от работы в школе, привез домой и помог устроиться на работу в Карагайскую МТС учеником счетовода. Работала счетоводом-кассиром, бухгалтером по расчетам. Была избрана секретарем комсомольской организации и членом РК ВЛКСМ.

В январе 1944 г. по мобилизационному извещению меня взяли в райвоенкомат зав. делопроизводством 4-й части.

В июле 1944 г. на заседании райисполкома без моего присутствия была утверждена зав. торговым отделом райисполкома.

Начало войны. Я в этот день была дома. На каждый выходной из К-Демьянска за 18 км приходила домой, а утром в понедельник к 9 часам была на работе. Младших сестер, 12 и 10 лет, отпустили в этот день на праздник – массовое гуляние. Вспоминает сестра (10 лет): «Веселье только началось. Нарядные люди, музыка всюду, пение, смех... Яркое солнце. Неожиданно всех попросили подойти к импровизированной сцене. Поднялся на нее первый секретарь РК ВКП(б) Ф. Комар и сообщил о начавшейся войне...». Сестра вспоминает: «И сейчас в ушах женский крик... От лугов к военкомату, по крутому берегу р. Обвы по тропинке шли мужчины. Они шли и шли... И сердце сжималось от боли, хотя я еще ничего не поняла». И далее: «На этом наше детство, наше милое наивное детство кончилось».

Детство кончилось. Началась напряженная жизнь в годы войны. Работа до изнеможения, постоянное желание есть, получить письмо от отца. И каждое утро и каждый вечер: «От Советского Информбюро, - Левитан, - После продолжительных боев, - длинная пауза, - оставлен... город...». Голос Левитана напрягается до трагизма, и он называет города, поселки, деревни. Тревога утром, тревога вечером. И так день за днем. До сих пор перед глазами страшные страницы «Пионерской правды», где в центре был помещен снимок – виселица и девушка с петлей на шее. И черными буквами по периметру всей страницы – Таня, Таня... Так ворвался в мир подвиг Зои Космодемьянской.

Одна сестра (11 лет) работала с некоторыми одноклассниками из менее состоятельных семей на спичечной фабрике (кустарное производство). Работали после уроков по 3-4 часа (летом полный рабочий день). Приходили домой с руками в крови, болячках. Причина – не совершенное производство. Но на работу она шла, иначе кроме них – учеников – там некому было работать. К тому же там один раз кормили – баландой. Это много стоило в те годы.

Те ребята, кто не был занят на постоянной работе, собирали по домам золу, по гнездовьям птичий помет – все для колхозных полей. Многие работали на колхозной работе. Собирали теплые вещи, доморощенный табак для отправки на фронт.

Тяжелой была работа летом дома. Надо было заготовить сено корове. Работа эта трудоемкая, требует силы, сноровки. А работники кто? Больная мама, я с сестрами и брат 8 лет. Мы – я и сестра – на постоянной работе. Также тяжело было заготавливать, вывозить и разделять дрова.

О женщинах в войну. Я хочу сказать на примере своей матери, а таких, как она, было столько, что не поддается счету. Нам, детям, было тяжело, голодно, но мы не несли ни за что ответственности. Мы просто работали. За все отвечала мама: дрова заготовить, подвезти; сено заготовить, лошадку найти заготовленное привезти, огород вспахать, засадить; одежку, обувь исправить. На шестерых! Где что взять? Перешивали старое, сами чинили обувь как могли. А накормить? Готовили, помимо овощей, пиканы, пистики (полевой хвощ), сушили грибы, много малины, клеверной головки. Из чистой муки хлеб не пекли, подкладывали толченую клеверную головку, жмых, чтобы муки надолго хватило. А сама мама была сыта? Я плохо помню, как часто она ела хлеб. Помню, как нам еду подкладывала и горестно поджимала губы, когда еда кончалась, а мы явно были голодны. И при всем при этом она не ожесточилась, была доброй не только к нам, но и к соседям, сохранила в себе внимание и любовь. А как мама перенесла весть о папиной гибели.

В январе 1945 г. мама куда-то отлучилась. Нам принесли письмо: думали, радостное, что от отца. Оказалось, от командира части, где служил отец, в нем сообщалось о его гибели. Мы наплакались и решили маме пока ничего не говорить. Надеялись, что это какая-то ошибка, так как последнее письмо от отца было от 13.01.1945 г. В марте меня пригласил зам. райвоенкома и вручил «похоронку». Из нее мы узнали, что отец погиб 14 января в боях под Кенигсбергом. Дальше скрывать не имело смысла. Мама куда-то уходила, и ей сказали, что пришла «похоронная». Она пришла, опустилась на стул у стола и обратившись к нам, тихо произнесла: «Вы хоть бумажки мне покажите... Хоть бумажки...». Тогда я подала ей письмо и «похоронную». Ей бы зарыдать, закричать и стало бы, наверное, легче. Она же прочитала, долго не выпускала из рук и как бы застыла и долго молча сидела у стола, потом встала и вышла из дома. Мы за ней наблюдали. Утром она, как всегда, затопила печь, что-то готовила и молчала, все время молчала. Долгое время не оставляли ее одну. Сестры уроки пропускали или вводили ее к соседям. Только к маю она стала приходить в себя. Стала опять деятельна, заботлива и прожила еще 25 лет.

Подобная доля в годы войны была у многих женщин, тем более у многодетных.

ПОВЗРОСЛЕЛИ... ДО ПОРЫ

1941 год!.. Рано утром 22 июня грянула война!.. Тем самым была проведена невидимая черта, отделявшая вчера и сегодня. За этой чертой жизнь покатилась по суровым законам войны. Помню причитания моей матери, Марины Степановны, и соседок: «Война! Боже мой, какое горе!» – ахали они.

В моей душе поселилась тревога. Я побежал к дружкам. Борька Черепанов сразу меня успокоил:

-Да мы недели за три их разделаем под орех!

-С полгода протянется... Воевать-то будем на их земле, а фашисты вояки те еще! – с видом знатока заключил я.

Вот так мы рассуждали тогда. Нас так воспитывали...

В первые дни многие жители села Зилаир (юг Башкирии) были мобилизованы. Поступили сотни заявлений от добровольцев, готовых защищать Родину. Колхозы, потерявшие работников, просили помочь им в уборке урожая.

Во второй половине июля ко мне прибежал посыльный:

-Срочно вызывают в школу! – объявил он.

Собралось девятнадцать семиклассников. Директор Зилаирской школы Виктор Николаевич Растегаев, плотный мужчина с залысинами, без лишних слов объявил:

-Немцы уже бомбили Москву!.. Необходима мобилизация всех усилий. Так вот боевое задание: завтра к 12 часам явиться сюда в рабочей одежде с туалетными принадлежностями и сменой белья. Надо помочь колхозу с уборкой урожая. Это будет вашей помощью фронту! Прошу сказать, кто не может поехать?

Таких не оказалось. Мы сидели ошарашенные: «Бомбили Москву! Как могли допустить? Ведь наша армия самая сильная?» Все это неукладывалось в наших детских головах...

На следующий день 13-14-летних подростков во главе с учительницей Софьей Захаровной Юриной высадили в деревне Мураши Байгульского сельсовета. Увидев этих «десантников», председатель колхоза Иван Егорович огорченно воскликнул:

-Мы ждали работников, а не детей! Нам недосуг играть тут в куклы!

-Эти подростки умеют трудиться! – успокоила его учительница.

Работали с раннего утра до заката солнца. Теревили горох, возили снопы. Трудились на молотилке: подавали снопы, убирали солому, веяли зерно и т.д.

Однажды в Мураши приехал инженер райземотдела Жданов и обратился к Софье Захаровне:

-По землеустройству мне нужен помощник, бойкий паренек...

-Можете взять Базлова или Бусалаева Леву...

-Это Василия Гавриловича сын? Возьму Леву, - решил инженер.

Дней 15 мы втроем колесили по полям колхозов. С помощью теодолита вели граничные линии, ставили квартальные столбики. Все это заносилось на карту. Тру-

дились до темна. Инженер был доволен мной и просил учительницу, чтобы мне в школе объявили благодарность.

В конце наших работ жители деревни изменили свое мнение о нас.

-Эта культурная учительница работала, не покладая рук, -говорили они, - и дети, глядячи на нее, трудились, как надо...

Домой мы вернулись к 10 октября.

В Зилаир прибывали обездоленные беженцы. В начале – украинцы и белорусы, а затем и москвичи. От них мы узнали о бомбежках, пожарах, о неразберихе и о напрасной гибели слабо вооруженных наших солдат. Верилось с трудом, но это была правда!

В наш 7-ой класс пришли новенькие. Среди них москвичи: Коля Алпаткин и Феликс Махов. Я с ними быстро подружился. Эту дружбу еще более скрепила наша общая тайна... Мы готовились бежать на фронт! «Бойцам не обойтись без таких храбрых пацанов, - думали мы. – Да и стрелять умеем, в разведке - в любую щель пролезем». Условились пробраться в Москву, а там и фронт – рукой подать. Наше место там, где труднее! Операция началась в начале ноября... Родители всполошились (не донос ли?). Нас задержали в деревне Бердяш в 20 км от нашего села. Об этой секретной операции появился незамысловатый стишок:

Вестей с фронтов шли отголоски,

Там бились насмерть братья и отцы...

Здесь тяжкий труд, одежда – лишь обноски.

Фашистов бить задумали юнцы...

Битва с фашистами – огромное испытание для страны. Требовалось укрепить руководство, в том числе и колхозами. Вот моего отца В.Г. Бусалаева, бывшего работника райкома партии, после длительной болезни, и направили в конце 1941 г. председателем колхоза в родную деревню Васильевку.

На следующий год летом я стал работать в этом колхозе. Нам пацанам 13-15 лет доверяли мужскую работу. Мы работали на сенокосе, на уборке урожая, пахали. Уставали, часто недоедали. Работая в Васильевке, я удивлялся выносливости женщин. Они словно двухжилые! Мужья воюют. Живы ли? На полях, на ферме работы невпроворот. Так же детишек надо накормить, одеть, скотину обиходить. На трудодни почти ничего не дают. Вот и приходится в муку то отруби, картошку или траву толкать. Недаром в пору молотбы перед уходом домой бабы норовят по вороху зерна пройти, чтобы в лапти зерна немного набралось. Детей-то надо кормить! Вон у тетки Маши Шерстневой пять ртов, а на мужа похоронка пришла. Младшей всего 2 года. Да 14-летняя дочь Клаша обезножила. На ферме простудилась, надорвалась. Горь – море! Но надо все вынести. Ради детей, ради Победы!

Мой старший брат, десятиклассник Александр, был способным пареньком. До 10 класса он был круглым отличником и участником всех слетов. Его приятели шутили: мол, ты у нас хронический отличник. Как-то Сашу вызвали в военкомат.

-Есть задание, из десятиклассников подобрать хороших парней в спецшколу. Согласны ли вы? – спросил капитан.

-Конечно, согласен!

-Готовьтесь! Об отправке сообщим...

В конце декабря 1942 года мы с матерью собрались провожать Сашу. Вдруг во двор въезжает подвода. Из саней-розвальней выбралась наша родственница Евдокия Варганова. Вся черная от горя, она откинула покрывало... Мы увидели замороженный труп ее дочери Ани. Ей только исполнилось 16 лет. Я привык видеть эту певунью всегда веселой. И вот – такая трагедия! Она работала на лесоповале по разнарядке от колхоза. Соседки с испугом заговорили:

-Ой, Марина, не принимай. Ты сына провожаешь на войну, а тут покойница. Плохая примета!

-Да как я не приму племянницу, не попрощаюсь с ней. Господь не допустит несправедливости! – ответила, плача мать, и обняла Евдокию.

-Лева, дай лошади корму и приготовь чай. Я провожу Сашу и быстро приду, - наказала она.

А случилось вот что. Подпиленная сосна развернулась и стала падать туда, где Аня возилась с сучьями. Ей крикнули: «Берегись!».. Она рванулась в сугроб, но силы не те от усталости. Ее накрыло деревом...

Мои родители помогли похоронить Анну в Васильевке.

В начале 1943 года наша семья получила похоронку на брата отца Ивана Гавриловича. В ней сообщалось, что сержант И.Г. Бусалаев героически погиб в боях за Сталинград. Я сильно переживал. Дядя с трех лет жил в нашей семье. Только месяца три назад о нем была в райгазете статья. В ней, ссылаясь на армейскую газету, говорилось, что танкист Иван Бусалаев, после ранения, подлечившись, стал снайпером. И он в боях за три дня уничтожил 17 фашистов! Я с гордостью показывал эту статью друзьям. Не хотелось верить, что его нет! Я хранию память о подвиге дяди и стараюсь следовать его примеру...

...На жизнь теперь смотрю я строже,

На ней печать крутых времен.

Мне надо быть на тех похожим,

Кто в Сталинграде погребен!..

В школе меня избрали председателем ДОСАРМ. Мы стали оказывать помощь нуждающимся семьям фронтовиков. Подростки кололи, пилили дрова и помогали в ремонте. Например, у Мамыкиной Марии два сына на фронте, она болеет. Они с малолетним сыном голодают и на дрова разбирают сарай. Мы им помогли раздобыть дрова и получить помощь от военкомата.

Во второй половине июля 1943 г. ко мне подошел наш военрук Василий Иванович Воробьев. Он, как говорят, сразу взял быка за рога:

-Мы с военкомом решили тебя послать на курсы инструкторов военно-физкультурной работы в школе, - заявил он. – Есть указание ГКО. Поедешь в Благовещенск за Уфой.

-Когда ехать?

-Два дня тебе на сборы. Поедешь в Исянгулово, там с их школьником и сопровождающим поедете дальше.

Вспоминаю: я и Виталий – будущие курсанты, наш руководитель Василий Николаевич прибыли на станцию Саракташ. Вдруг слышу необычный рев! Так первый раз я увидел чудище-поезд! Железнодорожных билетов не было. Хорошо, что военком мне выдал воинское требование на билет. Взяли один билет всего. Мы с

Виталием решили ехать «зайцами» до Чкалова. Вышли на перрон. Вижу ко мне подходит бравый старшина и спрашивает:

-Ты что ль Лева Бусалаев?

-Да..а, - удивился я.

-Я Михаил Самохин. Ты подрос, еле узнал. Куда едешь?

Поговорили. Михаил был в кратком отпуске в Васильевке. Едет на фронт. Подошел поезд. Земляк взял меня за руку и повел в офицерский вагон, чтобы ехать вместе. Он что-то сказал проводнице и усадил меня в уголок у столика. Многие ехали после госпиталя, другие спешили на фронт. В Чкалове Михаил обнял меня и подбодрил: «Держись, мужик!»

До Куйбышева достали опять один билет. Голь на выдумки хитра! Мы с Виталькой зашли в вагон, как провожающие, и юркнули под скамейки. Поехали. Комфортно устроились! До Уфы добрались «зайцами» на товарных поездах. Людей на станциях военных дорог скапливается много. Мучаются по трое суток. В Уфе на пристани купили билеты на пароходик до Благовещенска. И вот мы на месте. Нас с Виталием отправили во второй взвод. Поселили в деревянных палатках с нарами. Кормили нас неважно. Суп водица с крупинками гречки, каша, ломтик хлеба. Мясо давали редко. Мы понимали: война!

Зато до отвала нас насыщали строевой подготовкой, военизированными играми, спортивными соревнованиями. Хотелось есть. Бегали в поле, жевали хлебные колосья и ели травку.

Помню, в конце июля выпустили курсантов-минометчиков Благовещенска и направили на фронт. Они шли мимо нашего лагеря до железнодорожной станции. Шагали бодро. Местные жители вышли их провожать. Курсанты пели. Песня звучала торжественно, как клятва:

Суровый голос раздается,
Клянемся землякам:
Покуда сердце бьется –
Пошады нет врагам!

Женщины плакали. Все знали: развернулась грандиозная Курская битва, необходимо пополнение...

Наступили дни выпуска. После зачетов нам вручили удостоверения инструкторов военно-физкультурной работы в школе. За трое суток, со всякими трудностями я добрался до дома. Мои эти приключения ускорили мое взросление. Я расстался с детством. Видимо, его растерял где-то по дороге...

В 1944 году я переболел. Надорвался – получил грыжу. Была операция. Подхватил малярию. От простуды получил гнойный плеврит. С трудом закончил 9 классов.

1945 год... Мы ощущали дыхание скорой Победы. Наши войска бились на подступах к Берлину. Мой брат Александр за бои под Кенигсбергом был награжден орденом Красной звезды.

Истрадавшиеся люди ободрились. Наше село повеселело, будто говорило: скоро будет и на нашей улице праздник!

9 мая... Радостная весть! Великая Победа! Дома не сиделось. Бегу в центр. Там возник стихийный митинг. Люди смеялись, обнимались, плакали.

В этот победный год я закончил 10 классов. Выпускников было всего 9 человек...

Мир завоеван. Но для многих война не окончена. Она длится в душах и сердцах людей, получивших увечья или потерявших друзей и родных.

И.А. Сергеева (Плешкова)

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

22 июня 1941 года. Воскресенье. Ясно, солнечно, тепло. Детский праздник. Закончен учебный год. В Красном саду (теперь сад Горького) г. Молотова (так тогда называлась Пермь) гуляние. Мне 11 лет, я перешла в 5-ый класс. Завтра мы с мамой уезжаем на пароходе в Осинский дом отдыха. А сегодня с утра отправились в Красный сад на праздник. На площадках аттракционы, выступления, игры. Погуляли, вот уже и полдень, пошли навесить бабушку. Дорогой узнали, что началась война. Конечно, это известие взволновало всех взрослых, а меня нет. Ведь у нас уже были войны. О них и фильмы были, и в киножурналах о них рассказывали. И песни о войне мы пели: «Нам чужой земли не надо, но своей ни пяди не дадим». Была война с Японией. «На Хасане наломали им бока. Били, били, говорили: «Ну, пока!»». Была война с Финляндией. И здесь мы победили. Да, войны были где-то далеко. А сегодня такой хороший день! И завтра мы поедем на большом белом настоящем пароходе в каюте, будем обедать в салоне-ресторане.

23 июня мы уехали в дом отдыха. Мне помнится, там было хорошо и спокойно. Но когда через две недели мы вернулись домой, то увидели, многое изменилось в городе. В жилых домах отключили электричество. Многие наши знакомые мужчины были мобилизованы. Врачей отправляли на фронт. Моя мама, Плешкова Зинаида Григорьевна, работала врачом скорой помощи. Ее перевели работать в эвакуационный госпиталь, который располагался на улице Куйбышева, где сейчас находится административный корпус медакадемии. Мой папа, Плешков Анатолий Петрович, был управляющим конторы Торгового банка, его не отправили на фронт: очевидно, у него была «бронь», как у ответственного работника. Ему было уже 46 лет, и было больное сердце (он умер через два года после окончания войны от инфаркта). Но он был мобилизован на какие-то сборы, где мужчины вечером после работы занимались строевой и боевой подготовкой. Возвращался домой он только к ночи. В течение всей войны папа каждую весну уезжал на посевные работы в качестве уполномоченного, а осенью – на уборочную.

Мы жили на улице Кирова, приблизительно там, где сейчас Горьковская библиотека. Во дворе было два деревянных одноэтажных дома, один выходил на улицу, другой (наш) стоял между двором и огородом, в котором у каждой семьи была своя грядка метров семь в длину и метр в ширину, где выращивали овощи (до войны при каждом доме был огород, неплохое подспорье для семьи). В нашем огороде у каждой семьи был свой дровяник, где хранились дрова: отопление было печное. Воду носили в ведрах на коромысле с колонки за два квартала от дома, она находилась на

улице Шадринской (ныне Борчанинова) напротив Феодосиевской церкви (тогда хлебозавода). Трамвай, как сейчас, по этой улице не ходил, его провели только в 1958 году.

Когда в первые недели после начала войны отключили электричество, все обзавелись керосиновыми лампами, которые стали продавать в магазинах. Как они выглядели? Небольшой железный резервуар, похожий на консервную банку, полу-круглый, со «спинкой», чтобы можно было повесить на стену, в него наливался керосин и спускался фитиль, на который надевалось стекло-трубка шарообразная внизу, фитиль можно было подкрутить для яркости света. Стекло периодически мыли ершиком. Так как у нас было две комнаты и кухня, одной лампы нам не хватало. У нас были еще две «коптилки» или «мигалки»: в пузырек из-под духов или лекарства наливали керосин, вставляли пробку, в которую был продет железный стерженек со шнурком-фитильком внутри, шнурок опускался в керосин. Сверху на фитилек можно было надеть стекло-пробирку с отбитым доньшком. Вот такая получалась игрушечная лампа, но она освещала помещение, при ней читали, занимались, жили. Ко всему этому привыкли, и это казалось естественным.

Пищу готовили в русской печке, на примусе или керосинке. Воду кипятили в самоваре. Родителям зимой приходилось вставать очень рано: надо было истопить печи. Мама готовила обед, ставила его в русскую печь и уходила на работу, а к моему приходу из школы, он был готов. Я ставила к печке табуретку, взбиралась на нее, отодвигала заслонку и осторожно, чуть приподнимая тяжелый чугунок ухватом, выдвигала его из печки, наливала себе суп и обратно задвигала его. К приходу родителей суп еще был теплый в печке.

Родители приходили домой поздно: папа после работы был на военной учебе, а мама всегда допоздна была в госпитале, а когда прибывал эшелон с ранеными, вообще не приходила домой. Раненные часть поступали с первичной обработкой ран, сделанные в полевом госпитале: когда снимали гипс, под ним кишели вши. Бинтов не хватало, прачкам и санитарам приходилось их стирать. У врачей не было в госпитале отдельной комнаты для отдыха. На втором этаже между лестничной площадкой и коридором был холл, там в углу стоял большой стол, за которым врачи могли вести рабочие записи и отдыхать. Мимо них постоянно проходили раненые и медперсонал. Я часто по вечерам приходила к маме в госпиталь и сидела за тем же столом. Напротив стола была площадка, на которой выступали школьники и артисты с концертами, а раненные сидели и в холле, и в коридоре.

Мама проработала в госпитале около двух лет, потом серьезно заболела, ее вывели на инвалидность и перевели работать в скорую помощь. Военная обстановка отразилась и на работе скорой помощи: на каждую машину выдавали ограниченное количество бензина, так что иногда медики к больному шли пешком, санитарка несла сумку с лекарствами, шприцами и т.д.; иногда ехали на трамвае (трамваи ходили с Перми II в Мотовилиху и, кажется, по К. Маркса на Бахаревку, автобусов не было). Машины скорой помощи были не такие, как сейчас. Они назывались «каретами», были высокими, в них можно было стоять согнувшись, их длина была по длине носилок. Врач сидел рядом с шофером.

С первых месяцев войны были введены продуктовые и хлебные карточки. Их выдавали ежемесячно. На маленьком листке бумаги были расчерчены сантиметро-

вые квадратички – талончики, на которых было написано: сахар, крупа, мясо, рыба, соль и т.д. и количество граммов на каждый продукт. Мы были «прикреплены», можно сказать, к «элитному» магазину, потому что папа был «ответственный» работник и нам отоваривали все талончики. А вот мама сестра-педагог и ее муж-инженер были «прикреплены» к обыкновенному магазину, где часто не отоваривали талончики, так как не было продуктов.

На хлебных карточках в квадратиках стояло число месяца и количество граммов, если хлеб не выкупили в указанное число, он пропадал. Продавцы после окончания работы наклеивали эти квадратички на лист бумаги и отчитывались за проданную продукцию.

Были нормы хлеба: рабочим – 800 грамм, служащим – 600 грамм, иждивенцам – 400 грамм, а потом 700, 500 и 300 грамм. Моя семья получала 1600 грамм хлеба (потом 1300). Мы не голодали во время войны, но никаких сладостей и масла не видели. Помню, как-то маму пригласили к соседу, он болел, ему стало очень плохо, мама помогла ему. Он был директором хлебозавода. На следующий день маме в знак благодарности принесли маленький кусочек песочного торта. До войны я не любила такие торты, а тут он показался мне сказочно вкусным.

Всем работающим весной каждый год давали небольшой участок земли, чтобы посадить картошку. Зимой картошку мы хранили в комнатах под кроватями, и в коридоре был сделан маленький сусек. Нам помогала мамина сестра. Они держали корову, за которой ухаживала бабушка. И у нас каждый день было молоко. Муж сестры инженер-лесовод имел возможность обеспечить корову сеном, летом корову гоняли в стадо, которое паслось где-то в лесу и на полях в районе речки Данилихи (сейчас это район улицы Мильчакова). За корову ежемесячно сдавали налог молоком (была какая-то норма). Однажды корова не пришла с пастбища, ее искали всю ночь. Было столько переживаний! Но утром нашли.

Теперь о школе. Я пришла в первый класс в 1937 году в школу № 6, которую только что построили. Это было двухэтажное типовое здание с печным отоплением. Директор школы Анна Константиновна Эльфман жила в квартире при школе, у нее не было семьи.

В первые месяцы войны здание этой школы отдали под госпиталь (это было обычным явлением, во многих школах открывали госпитали). Нас перевели в здание школы № 7, она занимала два здания: одно большое двухэтажное кирпичное на ул. Долматовской (теперь Попова) и через квартал маленькое одноэтажное деревянное, это здание нам отдали полностью. В нем было три классных комнаты и маленькая комнатка, где поселилась Анна Константиновна. Школа № 7 предоставила нашей школе-семилетке первую смену, а своих учеников учила во вторую и третью смены. Заниматься мы начинали с 7 ч 30 мин. Вот теперь мы, дети, поняли, что такое война, и она дошла до нас, хотя нас не бомбили, над нами не рвались снаряды. В городе появились эвакуированные, их размещали в квартирах горожан, их дети учились с нами в школе.

Теперь все мы, и взрослые, и дети, жили вестями с фронта, внимательно слушали по радио сообщения Совинформбюро, а сообщения были тревожными. На стене висело радио – черная «тарелка», сантиметров 40 в диаметре. Телевизоров тогда не было, да и приемники без электричества не работали. Радио соединяло нас со

всей страной. Все важные события на протяжении всех четырех лет войны передавал диктор Левитан. В первые годы войны, его голос, несравнимый ни с какими голосами, передавал: «После тяжелых, продолжительных боев нашими войсками оставлен...». И флажок на карте Советского Союза над моей кроватью передвигался на восток: папа на карте красными флажками отмечал линию фронта. Каждое сообщение Левитана о событиях на фронте заканчивалось: «Наше дело правое, враг будет разгромлен, победа будет за нами!». Областная газета «Звезда» выходила на одном небольшом листке толстой бумаги. Учителя в школе рассказывали нам о событиях на фронте, о героизме наших людей.

Наступила зима, очень холодная. В государственных учреждениях электричество было, но отапливались они плохо. В школе было холодно, занимались в пальто, все были в валенках. На многих были «шаровары» (широкие спортивные брюки с резинками внизу, их натягивали на валенки), девочки их носили под платьями. Как-то ранним утром при свете коптилки я сняла с печки разные валенки (черный и коричневый), натянула на них шаровары и только в школе, когда меня вызвали к доске, заметила, что в разных валенках. И учителя на уроки ходили в валенках и пальто. Помню учительницу немецкого языка, ей, наверное, было немногим больше 30 лет, красивая. Она в холодной школе ходила в туфельках на каблучке. Помню ее платье, оно казалось мне нарядным, хотя я понимала, что оно из дешевой фланели, бежевое с синими манжетами и воротником. Эта учительница была эвакуирована, другой обуви у нее не было. В чем она зимой ходила на улице? Кажется, у нее было двое детей. Видимо, она голодала, худела, таяла на глазах. Что с ней стало?

В первый год войны нас в школе кормили завтраками (не знаю, кто оплачивал их). В перемену приносили на подносе бутерброды: маленький кусочек черного хлеба с красной рыбой, может быть, горбушей, а какое-то время спустя, стали приносить «чибрики» – пустые пирожки, мы, шутя, говорили, что они поджарились рядом с маслом.

Мы, школьники, раз или два в неделю ходили работать на телефонный завод, прибирали в цехах и на территории завода; принимали участие в субботниках; пионерские отряды собирали бутылки для зажигательной смеси для фронта. К праздникам готовили концерты и выступали в госпиталях. Писали письма бойцам на фронт, их вкладывали в посылки, которые тыл посылал фронту.

Помню, нас несколько раз водили в баню на ул. Ленина, всем давали по маленькому кусочку мыла. В каждой бане города были отделения санитарной обработки белья, его прожаривали, чтобы уничтожить вшей. Я раза два приносила из бани платяную вошь, к счастью, вовремя это обнаруживала. В школе систематически медики осматривали нас, проверяя на вшивость.

Я училась еще и в музыкальной школе. Когда началась война, музыкальная школа лишилась своего здания. И дети стали заниматься у учителей дома. У моей учительницы музыки, Елизаветы Михайловны Хорошавиной, было три комнаты в пятикомнатной квартире. Одну ее комнату занимали эвакуированные, вход в комнату был отделен от большой комнаты, где стояло пианино, шкафом и занавеской. Ученики школы должны были обязательно выступать на академических концертах, их проводили в госпиталях. Весной в музыкальной школе, как и в общеобразовательной, были экзамены. У каждой учительницы было 10-12 учеников. На экзамен

мы все собирались в одно время, сидели на кроватях в спальней (Елизавета Михайловна жила с сыном и свекровью, муж был на фронте) и ждали своей очереди, а в комнате, где было пианино, сидела комиссия учителей. Кто отыграл свою программу, возвращался в спальню. Там все ждали, когда нам объявят отметки.

Со школой мы ходили в кино. А с мамой я ходила в оперный театр. В наш город Молотов был эвакуирован из Ленинграда академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова. Мы ходили в театр каждый месяц, иногда даже два раза. Билеты достать было очень трудно. Сидели обычно где-нибудь на балконе или галерке. Но это было счастье – пойти в театр. Артисты жили в гостинице напротив театра, тогда ее называли «семизатжкой». Там жили и писатели, и композиторы. Здесь А.И. Хачатурян написал балет «Гаянэ», а перед премьерой сгорели костюмы.

Культурная жизнь в стране в годы войны не замирала. Изредка выходили кинофильмы. По радио «в живую» выступали знаменитые артисты и оркестры под управлением великих дирижеров. Главной целью искусства в то время было стремление пробуждать патриотические чувства и гордость за нашу страну.

Мы все знали о подвигах наших героев из книг, газет, радио, кинофильмов. Знали о летчике Николае Гастелло, направившем свой пылающий самолет на скопление вражеских танков, о подвиге Александра Матросова, закрывшем своим телом вражеский пулемет и спасшим тем самым жизнь десяткам красноармейцев. Мы читали о подвиге Зои Космодемьянской. А в начале 1946 г. наш школьный драмкружок поставил целиком пьесу Маргариты Алигер «Сказка о правде», где я, Ира Плешкова, сыграла Зою, потом меня в школе называли «Зоей», а в парте я находила записки, в которых мне предлагали дружбу. Весной в нашей школе была встреча с мамой Зои Любовью Тимофеевной Космодемьянской.

Помню день Победы. Рано утром папа мне говорит: «В школу можешь сегодня не ходить: война закончилась и день объявлен нерабочим». Я тут же встала и отправилась в школу. Там все собрались. Радость, счастье! Кончилась война, которая длилась столько лет! Потом пошли гулять на Каму, а вечером был салют.

В июне начали приходить эшелоны с демобилизованными. Я никого не ждала, но как-то пошла на вокзал Пермь II посмотреть на это событие. Стояла на перекидном мосту. Было объявлено по радио, когда придет эшелон. Мост был открыт и все было видно сверху. А во время войны весь мост был закрыт щитами, чтобы нельзя было видеть, что делается на железнодорожных путях. Настроение у всех было ликующее.

Е.А. Спешилова

ПОРТРЕТЫ ПИСАТЕЛЕЙ ВОЕННЫХ ЛЕТ ГЛАЗАМИ ШКОЛЬНИЦЫ

Когда началась война, мне было 15 лет, училась в средней школе № 21 г. Молотова.

С конца 1941 г. в Молотов начали приезжать семьи писателей из Москвы, Ленинграда, Киева. Большинство из них разместились в Центральной гостинице (се-

миэтажке), некоторые по частным квартирам. Большая группа ленинградских писателей и жен писателей фронтовиков жили в деревне Черной.

Всего было эвакуировано в Молотов 70 писателей и все они много раз бывали в нашей квартире на улице Ленина 35, поскольку мой отец, Спешиллов Александр Николаевич, являлся ответственным секретарем вновь организованного Молотовского отделения Союза советских писателей, редактором художественной литературы, а с 1942 года директором Молотовского областного книжного издательства. Излишне говорить, что приход любого из писателей, поэтов в наш дом, было событием для нас, детей. Память бережно сохранила многое из событий тех лет и я решила представить на суд несколько этюдов из тех далеких незабываемых лет.

Мать Константина Симонова

А.Л. Симонову я видела только один раз. Она приезжала из деревни Черной. А.Л. выходила из нашей квартиры, когда я возвращалась домой. Ее вид меня поразило. И не только меня, - прохожие оглядывались, любуясь царственным видом пожилой женщины. Высокая, стройная, в небольшой старомодной шляпочке, сидевшей изящно на седой прическе. Немного расклешенное старинное полупальто из английского сукна. Такая же длинная черная юбка и на руках тонкие черные перчатки.

Я спросила у папы: «Что за царица от нас вышла?»

- Это мать поэта К.Симонова.

Известный писатель, поэт ни разу не вспомнил своей мамочки. Для него существовала только его любовь – Валентина Серова.

Клавдия Павловна Матросова (жена А.Л. Матросова) вспоминала: «Когда Симонову провожали в Москву, у нее ничего не было. Жены пермских писателей подарили ей кое-какие вещи и дали продукты в дорогу. Поезда-то шли неделями».

Федоров Евгений Александрович (1897-1961)

Первое впечатление, когда в комнату вошел Евгений Александрович Федоров, пришел Шалапин: высокий и в такой же шубе и шапке, как на фотографии «Горький и Шалапин».

Жил у нас он больше недели. Спал на полу (на матрасике) в папином кабинете и закрывался своей шикарной шубой (печи не топились, дров не было).

Во время войны, из экономии электроэнергии население жило без света. Освещался кто как мог: хорошо, если была керосиновая лампа, а к ней еще и керосин. Только научным работникам и писателям разрешалось иметь одну лампочку на 60 ватт. Такая была у папы в комнате. Иногда Евгений Александрович просыпался ночью (он во сне увидал целую главу о Демидовых), включал свет и записывал несколько страниц своего сна. Утром, когда все просыпались, он с удивлением всех спрашивал: «Кто это написал?»

В 1950-1953 гг. в Москве вышла трилогия Федорова «Каменный пояс», а в Молотове была напечатана в одной книге повесть «Демидовы».

Рассказчик он был удивительный. Его яркие рассказы мы могли сравнить только с рассказами В.В. Каменских. Вот как запомнился мне один рассказ о переходе зимой по «дороге жизни» в пургу.

Иду. Ничего не видно. Вдруг я проваливаюсь в яму, на меня смотрят огромные светящиеся глаза. Я испугался. Все же дотронулся рукой до этих чудовищ. Это глаза огромных рыб, которых должны доставить в Ленинград.

Только выбрался из одной ямы, попал в другую. Во второй яме сидят черные черти. «Что это? Я в ад попал?», - спросил я, а в ответ раздался смех – «Нет, мы угольщики».

Рассказывал о том, как он собирал сведения о Демидовых. Начал их собирать с 1930-х годов. Издал много книг на уральские темы еще до войны.

В ленинградском Эрмитаже висит портрет красавицы (одна из семейства Демидовых), Федоров влюбился в этот портрет. Не проходило и дня, чтобы он не зашел полюбоваться на красавицу. Эту красавицу он описал в романе «Каменный пояс».

Когда наступила хрущевская оттепель и было разрешено русским людям возвращаться на родину, эта красавица (а ей было около 100 лет) вернулась в Ленинград и ей предоставили квартиру в одном из бывших демидовских домов. Евгений Александрович поспешил с ней встретиться. Какой ужас! Он увидел старуху, похожую на ведьму. Но все же много интересных сведений он от нее получил. А любовь к портрету разом прошла. Об этом он нам рассказывал в его последнее посещение нашего города.

Скончался Е.А. Федоров 2 апреля 1961 года на суде. Его судили за неуплату налога в пенсионный фонд. Он издал последнюю книгу и гонорар весь прожил. С момента издания прошло полтора года, Федоров был незнаком с новыми законами. Было ему только 64 года.

Ирина Валерьяновна Карнаухова

До войны мы, дети, любили радиопередачу «Сказки бабушки Арины». И у нас сложилось впечатление, что сказки рассказывает старенькая добрая женщина.

Весной 1943 года папа нам сказал: «Завтра нас посетит «бабушка Арина» – Ирина Валерьяновна Карнаухова (1901-1959) – писательница, фольклористка». В Молотовском книжном издательстве вышла ее повесть «Рассыпушки» в 1943 г.

Ирина Валерьяновна, как и многие ленинградские писатели, жила в деревне Черной.

Мы с нетерпением ждали встречи с нашей любимицей. Каково же было наше разочарование, когда в комнату вошли две высокие стройные женщины в серых пальто с каракулевыми воротниками, в шелковых платочках на голове. Обе громкими голосами поздоровались с нами (а нас четверо) и прошли в папин кабинет. Это были сестры Карнауховы, а мы так и не поняли, которая из них «бабушка Арина». За закрытой дверью они беседовали больше часа с Александром Николаевичем. После их ухода мы стали спрашивать папу о беседе с сестрами Карнауховыми.

Вот что нам поведал Спешиллов.

Ирина Валерьяновна родилась на Украине. Когда ей исполнилось 10 лет, отец подарил книгу А.М. Горького и билет в театр. В первый раз отпустили родители в театр одну. Книгу она взяла с собой. Как села она в зрительном зале на место, открыла книгу и не могла оторваться от текста. Сзади Ирины сидел высокий гражданин и спросил: «Детка, что ты читаешь?», Ирина буркнула: «Детство, Горького». Когда она дочитала до строк, где порют Алешу, из ее глаз покатались слезы, а голос из-за спины сказал: «Не плачь, Алеша вырастет сильным, красивым человеком. А ты, девочка, будешь писательницей». После окончания спектакля они вышли вместе. Ирина рассказала незнакомцу, что у нее сегодня день рождения и дала ему свой домашний адрес.

А через год 11 ноября Ирине исполнилось 11 лет и она получила бандероль с книгами и поздравление с днем рождения. На книге «Мать» Горького надпись – «Будущей писательницей. Максим Горький».

После окончания школы Ирина уехала в Ленинград. Поступила в госуниверситет на филфак. Курсовой работой было творчество народов Севера. Для выполнения этой работы пришлось объехать весь Север, жить в чумах, ярангах, записывать легенды, предания, сказки... А потом о всем, что она узнала в этих северных краях, рассказывала детям по радио.

Александр Остапович Авдеенко

И вот еще один человек, которому путевку в писательскую жизнь дал М. Горький. Это Александр Остапович Авдеенко (родился в Макеевке в 1908 г.).

Во время Великой Отечественной войны он был военным журналистом, а в Молотов он приезжал к своей жене, которая жила в д. Черной. В каждый приезд он со своей миниатюрной изящной красавицей приходил к нам. Его внешний вид поражал. Это был русский богатырь, с круглой, как луна, головой и добрыми умными глазами, которые улыбались всем. А его миниатюрная жена называла своего великана – деточкой.

В тридцатых годах 19-летний Александр работал на стройке века – Магнитке. И в свой дневник ежедневно записывал свои впечатления о прожитом дне, о людях. На стройку приехал Алексей Максимович Горький, Авдеенко дал прочитать ему свои записки. Алексей Максимович внимательно все прочитал и Александру Остаповичу сказал: «У тебя очень интересный материал – пиши. В далеком будущем люди по твоим материалам будут изучать историю нашей страны».

Результат: в 1933 г. в Москве вышел роман «Я люблю». После войны в 1945 г. его приняли в члены Союза писателей. В Москве, где он жил, вышло в свет 6 романов...

Серебренников (Аргентов) Валентин Николаевич (1881-1943)

Известный фольклорист Валентин Николаевич Серебренников – оригинальный человек. Самое главное для него – это сбор фольклорных материалов от жителей Урала. Необычен его внешний вид. Много лет наша семья знакома с ним. Зимой

и летом в черном демисезонном пальто, вместо рубашки – манишка, галстук, на глазах очки в золотой оправе, на веревочке и на голове картуз. Он знал много иностранных языков, в том числе древне-греческий, арабский...

Иногда бывало придет к нам и скажет: «Разрешите мне пять минут на пересыпочку?». Проходил в папин кабинет, становился спиной к стенке, закрывал глаза и ровно через пять минут их раскрывал. «Может чаю попьете? – Нет, мне некогда, мне бежать надо. – Куда? – Да к сеструхе Надежде в Оханск». А ходил он быстро, другому молодому его не догнать. Он шел от населенного пункта до следующего. Заходил в любой дом, приветствовал хозяев шуточками-прибауточками. С ним неизменная балалайка. Люди сразу проникались к нему доверием и уважением. И в ответ на его побывальщины отвечали тем же, пели песни, рассказывали местные легенды, сказки... А он записывал в свою записную книжку и слова, и ноты. Получал уют на несколько дней и «бежал» дальше.

Иногда в конце лета приходил к нам, а родителей дома нет, он спрашивал: «Пойдете со мной в лес? – Да. – Собирайте свою дворовую команду, да лукошки не забудьте взять». Команда – 15 человек – следовала за Серебренниковым, пока шли до леса, он рассказывал сказки, а в лесу слушали интересные истории про каждую травиночку, какая польза от них людям. Свой рассказ «пересыпал» пословицами и загадывал нам загадки. Возвращались мы домой довольные с ягодами, грибами, травами.

Это все было до войны.

Для Валентина Николаевича начались черные дни. Получал он мизерную пенсию, а карточек на продукты ему не полагалось. У него не было официальной работы, он не был членом Союза писателей. Он мог бы побежать к своей сеструхе, она бы прокормила его, но он «не хотел обременять семью сестры своей особой».

Профессор В.А. Кондаков, директор областного книжного издательства А.Н. Спешилова и другие хлопотали перед Москвой, чтобы его срочно оформили в члены Союза советских писателей. Москва глухо молчала.

Жил Валентин Николаевич в маленькой комнатухе по ул. Орджоникидзе, 37. 22 января 1943 г. он пришел к нам на Ленина, 35. Мама только что поделила купленный по карточкам хлеб на маленькие пайки. Это по два кусочка хлеба. На столе кипел самовар. В.Н. налили кипяточку, а я как взглянула на Серебренникова, свой хлеб подвинула ему. Он мгновенно проглотил эти кусочки, запил кипятком и ушел. Вид у него был ужасный, одно слово – живой труп.

На другой день соседи обнаружили Валентина Николаевича спящим вечным сном. Мои кусочки его не спасли. А лежал он на сундуке, в котором кроме рукописей ничего не было.

Спешилова вызвали в обком партии и дали накачку: «Как вы допустили смерть Серебренникова?». Через неделю нашего папу увезли на скорой помощи в Красный Яр.

Пришла к папе по писательским делам Вальдман Вера Семеновна, Александр Николаевич сидел в кресле, она взглянула на него и бегом убежала в облизполком к Б.Н. Назаровскому. Ворвалась к нему в кабинет: «Вы нас, ленинградцев, спасаете, а своих хороните, на днях похоронили Серебренникова, завтра будете Спешилова хоронить». В ее присутствии Борис Никандрович куда-то позвонил. К дому Спешилова

ва быстро подъехала скорая помощь. Если Спешилев в машину забрался сам, то в Красном Яре его без памяти выносили на носилках. Когда папа поправился, ему сказали: «Ваше счастье, что Вас доставили во время. Часом позже нам некого было бы лечить».

Л.Б. Федотова

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

22 июня 1941 года (со слов моих родителей) с утра в нашей семье, жившей в Мотовилихе по улице Смирнова, царило праздничное настроение, ждали родственников с детьми на мой день рождения (23 июня мне исполнялось четыре года). Я и моя двоюродная сестра Нина Нестерова беззаботно играли во дворе, ожидая своих сверстников и подарки. Праздник быстро закончился, по радио сообщили о нападении фашистской Германии на нашу страну. Женщины плакали, а мужчины, противясь со всеми, отправились на призывные пункты. Ушел в военкомат, положив в рюкзак самые необходимые вещи, и мой отец Корнилов Борис Сергеевич (1914-1990 гг.). На фронт его не взяли, оставив трудиться на Мотовилихинском заводе, заявив, что «фронту нужен крепкий тыл и хорошие специалисты». На заводе отец проработал сорок три года до пенсии, с 1931 по 1974 год. Он выпускник ФЗУ № 3, фрезеровщик. Был мастером в военные годы начальником участка.

Рабочие работали по 12, 14, 16 часов в сутки, не выходя из цеха, отдыхали по 2-4 часа и снова вставали у станков. Пушки Мотовилихи без усталости били по врагу. Свыше 48 тысяч артиллерийских систем поставил армии только один этот завод.

Отец приходил в семью 2-3 раза в месяц. Забрав чистую одежду, спешил в государственную баню. Поцеловав жену и детей, снова уходил в цех. Так было до конца войны, до Победы! Иногда бабушка Вера относила отцу скромный обед: похлебку, приправленную подсолнечным маслом, кашу. Бабушка брала меня с собой, мне хотелось повидать отца. В 1945 году два раза ходили с обедом к отцу на завод (мне шел восьмой год) и шестилетний братишка Рудольф. Помню: отец очень обрадовался, увидев нас, нежно обнял и поцеловал. Сев на скамейку, торопливо ел похлебку. Мы молча следили за направлением ложки. Отец замер, отодвинул тарелку: «Я сыт, не хочу больше, налетай, орлята». Я и брат ели похлебку по очереди одной ложкой, стараясь ни капельки не пролить. По лицу отца текли слезинки. «Большой, а плачешь!» – протянул братик. Мне стало стыдно, ведь отцу труднее, чем нам и питается он хуже. «Прости нас, папа, прости», – сильно покраснев, почти простонала я, а брат заревел. «Все хорошо, мои любимые», – успокоил нас отец. «Скоро мы победим, и будем опять жить дружно и сытно!» Папа любил нас и пытался хоть чем-то порадовать. Приносил часть своего хлебного пайка, заказывал дрова на зиму. Однажды подарил мне и брату большое красное яблоко, а в декабре 1944 года – небольшую елку. В годы войны елку в семьях почти не ставили. Игрушки, подарки и сама елка были роскошью в то время. Мама еще в 1942 году елочные игрушки обменяла в

деревне на крупу. Игрушки из разноцветной бумаги смастерили бабушка Мария, я и брат. Все были счастливы, елка казалась нам сказочной красавицей!

Мотовилихинский завод организовал елку для детей рабочих на фабрике-кухне (позднее ресторан «Горный хрусталь»). После концерта объявили, что по билету можно получить подарок. Гордая шагала я домой, крепко прижимая к груди небольшой кулек из серой оберточной бумаги. В нем оказались конфеты – подушечки и небольшая пачка печенья. Дома высыпала все на стол, сказала радушно: «Угощайтесь!». Мама похвалили меня за это, но есть не стала. «Кушайте с братом», - сказала она. А вечером всей семьей: мама, бабушки Мария и Вера, братик и я, пили горячий морковный чай с конфетами и печеньем. Был настоящий праздник!

Во время войны в Молотове появилось много военных, прибывали эшелоны с ранеными. Первых раненых разместили в сером корпусе Грачевской больницы, а потом в школах (всего в Прикамье было 110 госпиталей). Из захваченных фашистами городов стали приезжать эвакуированные. В Мотовилихе, на нашей улице Смирнова почти в каждом доме жила эвакуированная семья, иногда две. В соседнем доме у бабушки Веры (матери моего отца) жила семья из блокадного Ленинграда: солистка балетной труппы Г. Улановой, бабушка и девочка девяти лет. Бабушка серьезно болела, а Галя походила на шестилетнего ребенка, худенькая, ручки тоненькие, почти прозрачные. Первые месяцы она не улыбалась, не разговаривала, свой хлебный дневной паек прятала под подушку. Девочка боялась любого шума. В грохоте грома Гале слышались артиллерийские выстрелы, в стуке дождевых капель по крыше – пулеметные очереди. Постепенно Галя отошла, смеялась с нами, рассказывала о памятниках своего родного города, читала стихи С. Маршака и К. Чуковского.

В военные годы нашей семье, как и всем другим семьям, жилось не легко. Недоедали, мерзли, дров не хватало на все зимние месяцы, одежда и обувь быстро изнашивались. Меня учили экономно чистить картошку, хорошо промывать картофельные очистки (в семь лет я успешно с этим справлялась). Их жарили на рыбьем жире, реže на подсолнечном масле. Весной варили похлебку из крапивы и пистиков. Делали баланду: крошили хлеб, заливали кипятком, больше солили. Тогда после еды хотелось чаще пить – приходило чувство сытости. В какой-то мере семье помогал небольшой огород при доме. Я и двоюродная сестра Нина (после снятия урожая) небольшими лопатками перекапывали грядки, иногда находили несколько картофеля или морковь, а брат собирал их в корзину.

В августе 1941 года ввели карточки на хлеб: работающим – 800 граммов, иждивенцам – 400 граммов. Мама оставляла братику и мне на обед 150-200 граммов хлеба. Клала кусочки под чайные чашки. Нас так и тянуло к кухонному столу, порой мы отламывали крошки и на обед оставалось совсем немного. Эти крошки мы держали во рту подольше и чувствовали себя сытыми на какое-то время. Хлеб в магазин завозили нерегулярно, поэтому часто были очереди. Несколько раз в последний год войны я и брат ходили за хлебом. Однажды я потеряла карточки, получив хлеб, положила их мимо кармана кофты. До конца декады, оставалось 4 дня, я лишила пайка пять человек. Вот уж я заплакала! В комнату вошла ленинградка Галя и молча протянула мне свою дневную норму хлеба – 400 граммов. Я заплакала еще сильнее! А утром карточки нашлись! Их обнаружила в магазине около кассы наша со-

сидка, на карточке стояла мамина фамилия. У женщины было двое детей, и муж погиб на фронте, но присвоить себе чужие карточки она не смогла.

Главой нашей семьи в годы войны стала мама – Корнилова Валентина Яковлевна (1913-2003гг.), выпускница ФЗУ № 3. С 1932 года она работала на Мотовилихинском заводе разметчицей 4 разряда, была стахановкой, о ней писали в заводской газете, портрет мамы есть в музее родного училища (сейчас в профлицее № 3). Хрупкая, невысокого роста мама в любую погоду ездила по деревням, обменивая вещи на муку, крупу, картофель. Таскала на себе тяжелые мешки, иногда стояла на площадке вагона поезда весь путь до Мотовилихи. Стремление выжить, забота о семье и детях, желание вырастить меня и брата здоровыми придавало матери силу и мужество. Наша мама еще и шила вместе с бабушками белье для бойцов. А после войны она растила младших детей: сына Юрия, 1947 года рождения, и дочь Маргариту, 1950 года рождения. Сейчас нет в живых отца, матери, братьев, но в памяти моей навсегда останутся подвиги наших родителей, совершенные ими в тылу в военные сороковые годы ради жизни на земле, ради нас. Низкий поклон им!

11 марта 1943 года – знаменательный день в жизни жителей нашего города. На их средства и сбережения была создана Молотовская танковая бригада, вошедшая в состав Уральского добровольческого танкового корпуса. Сбор средств состоялся на бульваре Красной Армии в Сталинском районе. Туда, по воспоминаниям матери, мы отправились всей семьей: отец, мать, две бабушки, я (мне шел шестой год) и братишка (ему было только четыре года, когда он уставал, его несли по очереди на руках). Наша семья внесла небольшой вклад танкистам (почти все лучшие вещи были обменены на продукты): немного денег, бархатные покрывало и скатерть, две вазы и обручальные кольца родителей. Мамино колечко разрешили вручить мне. Я бережно положила его в варежку и, боясь потерять, весь путь от улицы Смирнова в Мотовилихе до бульвара Красной Армии держала руку в кармане. Колечко вручила офицеру, он, взяв меня на руки, произнес: «Спасибо, девочка, скоро придет Победа!».

В 1944 году я пошла в первый класс 47 школы в Мотовилихе, окончила десять классов в 1954 году. Учились в этой школе в то время одни девочки. Мама из своего темно-синего костюма сшила мне форменное платье, сумку для книг и тетрадей, мешочек для сменной обуви и маленький мешочек для чернильницы. Первого сентября я ушла в школу вместе с двоюродной сестрой Нестеровой Ниной. Нас не кому было проводить в такой торжественный день, родители работали, а бабушки выполняли срочный заказ для армии, шили одежду для пермских танкистов (на фронт отправлялась делегация рабочих с подарками). С Ниной с первого по восьмой класс мы были всегда вместе, родители ее умерли в годы войны и моя мама взяла шефство над ней, помогала, чем могла. Я всегда тепло, с нежностью вспоминаю годы учебы в войну, учителей. Особенно благодарна своей первой учительнице Татьяне Никандровне. Она строго следила за тем, чтобы девочки были дружны, помогали слабым. Не все могли ежедневно с собой приносить завтраки, и Татьяна Никандровна предлагала поделиться с подругами, часто отдавала нам свой завтрак. Ласково, по-матерински успокаивала каждую девочку и уделяла больше внимания, гладила по голове тех, которым приносили похоронку на отца или братьев. С Татьяной Никандровной мы писали письма воинам на фронт, читали их в классе, учились вышивать

кисеты для бойцов, посещали раненых в госпитале, выступали перед ними с концертами. Мы были намного старше, серьезнее своих лет, рано выросли!

В зимние каникулы последнего года войны я читала в госпитале стихи К. Симонова «Жди меня, и я вернусь». Один раненый весь в бинтах (на лице были видны только нос и большие голубые-голубые глаза) никак не реагировал на стихи. Мне стало очень обидно и я расплакалась. Медсестра, успокаивая меня, сообщила, что солдат контужен, ничего не слышит и когда это пройдет, никто не знает. Мне было так жаль раненого, что я долго не отходила от него и гладила его руки. Через два месяца с одноклассницами я снова пришла в эту палату. Мы пели, танцевали, читали стихи. Я почувствовала на себе чей-то взгляд. На меня смотрел солдат с голубыми-голубыми глазами. Он протянул мне небольшой томик стихов А.С. Пушкина 1937 года издания, улыбаясь сказал: «Мой любимый поэт, храни его стихи!». С этим дорогим подарком не расстаюсь до сих пор, томик пушкинских стихов всегда на письменном столе рядом с вышитым портретом поэта. По нему я учила и читала стихи Пушкина в школе, в Государственном университете, на своих уроках истории, на внеклассных мероприятиях в среднем ПТУ № 1 (сейчас профлицей № 1) и классных часах в средней школе № 9 имени А.С. Пушкина, где учиться моя внучка. К сожалению, я ничего не знаю о дальнейшей судьбе солдата, даже имени его не спросила, об этом в свои восемь лет я не подумала.

Мы, дети войны, в те грозные военные годы стали роднее и ближе друг другу. Самым обидным было прозвище: «немец», «фашист». Слушали по радио сводки Информбюро, песни «Вставай, страна, огромная», «Катюша». Играли в войну с соседскими ребятами, сочиняли разные истории о подвигах бойцов нашей армии, гордились трудовыми успехами родителей, старших братьев и сестер.

Мы не знали, скоро ли кончится война. Но никто не сомневался в Победе. И вот она пришла! Утром 9 мая 1945 года отец забежал с завода домой, переоделся в чистый костюм и быстро ушел в цех на митинг. После окончания митинга из всех цехов рабочие вышли на улицу. Люди целовались, обнимались, пели, танцевали, поздравляли друг друга с Победой. В этот день занятия в школах закончились рано и школьники радовались окончанию войны вместе со своими родными. С вечера 9 мая, всю ночь до утра на нашей улице Смирнова (как и повсюду во всем городе) был Праздник Победы. Жители вынесли столы, скамейки, табуреты, собрали угощение у кого что было. Пели и плясали, плакали и целовались, повторяя: «Мы выстояли, мы победили!».

Ф.И. Рябухина

ПАМЯТЬ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ НАЧИНАЕТСЯ ВОЙНОЙ

Память нашего поколения начинается войной. Отец наш, Иван Данилович, демобилизовался с Финской войны в предзимье 1940 года. Хорошо помню, как раскрылись ворота, и он предстал перед нами. Мы с братом (мне 8 лет, ему 12) пилили дрова, брат от радости так забросил топор в снег, что его с трудом отыскивали. Отец

спустился в наш подвал, низкий, темный, сырой, стал снимать ботинки и разматывать обмотки: снимет ботинок и рад! далеко отбросит его.

Помню довоенные очереди за хлебом, особенно за сахаром, занимали их с вечера, но нам, детям, нравилось стоять у «Дежурки» даже в зимние холода. Два события остались в памяти как воспоминания о счастливом мирном детстве: скворечник, сделанный отцом, и его подарок - шенок. В предвоенные месяцы «что-то грозное нависло над нашими душами», даже мы, дети, это чувствовали, слушая взрослых. Но по-прежнему бодро звучала песня: «Если завтра война» и ее бодрая концовка: «И на вражьей земле мы врага разобьем малой кровью, могучим ударом».

О начале войны я узнала во время игры в классики, я недоумевала, почему так встревожены взрослые: ведь «мы врага разобьем ...могучим ударом».

Папе пришла повестка в конце первой недели войны. Помню толпы перед военкоматом, плач. наших отцов построили и повели на пристань. По бокам колонны шла плачущая толпа, я шла рядом с отцом, а сзади кто-то постоянно наступал мне на пятки сандалий.

В военных письмах отца (их у нас сохранилось около тридцати), постоянно звучит тревога за семью, за детей, особенно за сыновей-близнецов, родившихся 1 марта 1942 года: «Дело идет к зиме, у матери и у ребят нечего носить из одежды, то пальто мое или шинель можно перешить» (09.07.41 г.), «как здоровье ребят: ты писала, что болеют» (09.08.42г.).

Отец воевал на Смоленщине, погиб 27 декабря 1942 года, похоронен в братской могиле.

Похоронка пришла 15 января 1943 года (копия сохранилась). Было уже темно, когда пришла почтальон и со словами: «Вести с фронта» вручила вдвое сложенный листок. Дома я была одна, наши близнецы качались в люльке, света не было, только блики от пламени в печке, поэтому я не разглядела чужой почерк и, когда пришла мама, радостно известила: «Письмо от папы». 1942 год, первый год жизни наших близнецов, был особенно трудным для всех: мама после короткого отпуска вышла на работу, прибежала кормить грудным молоком, его не хватало, рано начали прикармливать с молочной кухни, малышей мучили животы – отсюда постоянный плач. Все держалось на бабушке, мы с братом помогали, дед по отцу стал главой семьи. Он превратил часть двора в огород, завел коз, которые стали основным мучением для нас с братом: мы их должны отпустить в стадо, вечером изловить и, если их арестовывали в поле, суметь выклянчить без штрафа.

Как все военные дети, мы были самостоятельны и изобретательны: ранней весной уже ходили босые; когда я сдавала экзамены за 4 класса, то до школы шла босая, а тапочки, связанные мамой, надевала перед дверями класса. Зимой чернила в «непроливашках» замерзали, и мы с трудом их отогревали. «Любимое лакомство» – жареный овес, мы даже учителю на стол насыпали горку, чтобы он разделил с нами радость. Весной радовались дикому чесноку, «пистикам» (хвощам, появляющимся на полях), щавелю. Уроки были только в одну смену, в светлое время суток; дома вечером – коптилка; в деревне – лучина. Очень берегли учебники, писали на полях старых газет; как все дети, радовались новогодней елке, игрушки делали сами.

Как многие дети войны, я болела гепатитом («желтухой»), брюшным тифом, в конце войны началось затемнение легких. Бабушка по маме дважды брала меня в

деревню. Когда я училась в сельской школе, то мы все ходили в лаптях, осенью и весной к ним приделывались деревянные стойки, и мы смело шастали по лужам. После пятого класса нас отправили на уборку картофеля, наша группа попала на постоянной к сердобольной хозяйке, спали на полу, было холодно, на ночь надевали валенки. Осень была ранняя, и мы, выкопав в одном колхозе, перешли во второй, потом – в третий, в конце октября выпал снег, подмерзло, в поле нас возили на санях. Ушли мы самовольно, в ноябрьские праздники, домой прибрели в полной темноте.

Однажды, тоже в ноябрьские праздники, пошли подкормиться к бабушке в деревню, на первом пути прошли Каму по льду, на обратном - пришлось форсировать полынью босыми, зато валенки были относительно сухими, русская печь грела матерински.

В конце апреля 1945 года все с нетерпением ждали известий о Победе. Мы буквально засовывали головы в репродуктор. И когда загремел голос Левитана, помчались к маме на работу, а оттуда на нашу площадь (там сейчас Мемориал), где всегда у нас проходили митинги. День был теплый, ясный, праздничный. В памяти моего поколения он остался Праздником «со слезами на глазах». День Победы для нашей семьи – самый радостный и самый печальный.

Л.Б. Тарунина (Красильникова)

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Я коренная пермячка. Во время войны я была дошколенком, и целостного восприятия военной поры у меня нет, но некоторые моменты остались у меня в памяти. Наша семья была музыкальной и театральной. И я хочу рассказать об эпизодах, так или иначе, связанных с оперным театром.

Так уж случилось, что именно 22 июня 1941 года меня впервые повели на дневной спектакль в оперный театр. На мне было новое кружевное платье и голубые банты в косах. Я не помню названия оперы. По-видимому, это была советская постановка, так как на сцене был Ленин, дети и, что меня особенно поразило, большая русская печь (такая же, как у нас дома). Я не помню, удалось ли нам досмотреть спектакль до конца. Но помню, что потом мы бежали домой и увидели толпу людей, стоящих у репродуктора на рыночной площади. Многие женщины плакали. Заплакала и моя тетя. Тут я впервые и услышала слово ВОЙНА.

Вот еще один эпизод из моего военного детства. Он всплыл в моей памяти в связи с двумя событиями, случившимися почти одновременно несколько лет тому назад. В Лысьвенском музее, где мы с пермскими школьниками были во время каникул, в экспозиции, посвященной войне, я увидела брезентовые ботинки с деревянными подошвами - всепогодную обувь уральских ремесленников военной поры. А вскоре к нам в Молотов приехали артисты Кировского театра. Казалось бы, что тут общего? Чем связаны оба эти факта? А связь была. Она в моем далеком детстве.

Представьте себе большую кухню в старом деревянном доме с русской печью и пузатым медным самоваром. Около стола сидят трое немолодых мужчин. В руках

у них скрипки. Смычки плавно касаются струн, и звучит удивительно светлая и чистая мелодия. Я не знаю, что они тогда играли, но ощущение радости, света и счастья осталось у меня в памяти до сих пор. И это волшебство звуков заворожило не только меня, маленькую девочку с длинными косичками, притихшую на низенькой табуретке, но и бритоголовых пареньков, которые сидели у стены на старинном бабушкином сундуке, опустив ноги в корыто с теплой водой.

А рядом у печки сушились их "бахилы", у которых серый брезент был прибит к толстым деревянным подошвам гвоздями с рифлеными шляпками. Ребята сидели тихо, широко открыв глаза и, как мне казалось, "наострив уши". Это были ремесленники, работавшие на заводе им. Ф.Э. Дзержинского. Мой отец, начальник термического цеха Б.И. Красильников, в свои редкие отлучки с завода часто приводил ребят домой – отогреться и подкормиться.

А музыканты – это оркестранты струнной группы Кировского театра, который во время войны был эвакуирован в Молотов. Мой дядя - С.А. Бабыкин, работал настройщиком музыкальных инструментов. Он часто бывал в театре, и музыканты приходили к нам на "огонек", благо мы жили недалеко от театра в Разгуляе. А гостеприимство было традицией в нашей семье. Да и не только в нашей. Многие семьи принимали у себя ленинградских артистов как родных и близких.

С тех пор прошло уже 60 лет. Не осталось в моей памяти имен и фамилий этих музыкантов Кировского театра. Вероятно, их уже нет в живых. Но хочется надеяться, что здравствуют те ребята военной поры, которые слушали прекрасную музыку на улице Кирова. Может быть, кто-нибудь прочтет мои воспоминания и откликнется.

Л.А. Буткевич

МОЯ СЕМЬЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ

Нас, сестер, было пятеро. К началу войны младшим – близняшкам Тоне и Наде исполнилось по десять лет. Гале – 13, мне – 16, а старшей Нине – 20 лет. Жизнь становилось труднее и голоднее. На заводе имени Кирова, в Закамске, после ушедших на фронт нужны были рабочие. Окончив четыре класса, 12-летняя Надя пошла на завод и стала набивать мешочки – для заправки снарядов. Да так и доработала там до пенсии – до 45 лет.

Тоня разносила письма-похоронки и вместе с получившими оплакивала погибших. Галю приняли в швейную мастерскую. Она стежила и шила для фронта фуфайки и брюки, кальсоны и рубашки, да рукавицы с выкроенными большим и указательным пальцами – чтобы они бойцам удобны были для стрельбы зимой. После окончания семи классов я пошла работать регистратором в медпункт заводского рабочего поселка Январский и скрытно от родных окончила курсы медсестер, чтобы пойти на фронт. 8 марта 1943 г. ушла на формирование. С хирургическим полевым подвижным госпиталем в составе 38-й армии 1-го украинского фронта от Курской дуги прошла через Польшу и Германию до Чехословакии. В день отъезда из Моло-

това проводить меня пришел отец и показал повестку, полученную ночью, где было сказано срочно явиться в военкомат. Ему было уже пятьдесят, но он был мастером кузнечного дела и его направили в город Свердловск на завод, где выплавляют стволы к орудиям.

Муж Нины с первых дней войны находился на Ленинградском фронте, а она работала на Кировском заводе, как и младшая Надя. Нина как-то призналась маме, что работает в таком цехе, если произойдет взрыв – никто не спасется. Так и случилось. В апреле 1944-го далеко вокруг Кировского района прогремел взрыв, сотрясая воздух и землю. Маме стало плохо. Она поняла, что произошло то, о чем предсказала Нина. Ни похорон, ни могилы не было. Теперь маме-бабушке прибавилось забот – трое детей да двое внуков на ее попечении. Трудно было с питанием. Она отдавала свои 200 граммов хлеба и все то, что могла выменять и приготовить поест. Все ее переживания не проходили бесследно. Она перенесла множество микроинфарктов, опухала от голода, буквально умирала при сердечных приступах. С ней кое-как отваживались врачи, глядя на плачущих детей за окном больницы. Положение было критическим, и врачи телеграммой вызвали из Свердловска отца. Но и он вернулся нездоровым, исхудавшим, еле державшимся на ногах. Вошедшего в комнату не узнала ни жена, ни дети. Мама, выписанная из больницы три дня назад, еще не могла подниматься с постели, еле слышно произнесла: «Прости, дед, подать тебе нечего, сами с голоду умираем». Отец опустил на стул и заплакал: «Вы меня не узнали – это я вернулся».

Так переносили войну люди – голодали и умирали. Как рассказывала мама, кто-то нашел и подсказал выход для выживания. Люди стали выезжать на поля и откапывать перезимовавшую картошку, превратившуюся в крахмальную массу, перемешанную с землей. Из нее пекли лепешки. С наступлением весны появлялась зелень – крапива, щавель, лебеда – варили супы.

После войны моя служба еще продолжалась в Ивано-Франковске и Мукачево, так как там, в Карпатах, продолжали орудовать бандеровцы и власовцы. Нападали на проезжающие военные машины, подрывали и спускали в глубокие ущелья гор. Там происходили настоящие бои с немалыми жертвами и в госпиталь продолжали поступать раненые. Я вернулась домой только в ноябре 1945 г.

С приездом домой, мы с отцом отправились на станцию Пермь-II, где находился продовольственный пункт для военных. По продаттестату получили несколько буханок хлеба, консервы, сахар, что-то еще. Мама глянула на это богатство и зарыдала: «Доживем ли мы до того, чтобы можно было все это взять в магазине и поест досыта?!»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аленчикова Наталья Дмитриевна	ученица школы № 528 г. Москвы, историк-архивист
Болгачева Елизавета Захаровна	студентка Оханского педагогического училища, пионервожатая, учительница Оханской средней школы, директор музея издательско-полиграфического комплекса «Звезда»
Бровкина (Живаева) Евдокия Васильевна	сержант 951 штурмового авиационного полка 17-й воздушной армии 3 Украинского фронта, инженер отдела труда и зарплаты завода «Велта»
Бусалаев Леонтий Васильевич	ученик Зилаирской средней школы БашАССР, слесарь МТС, журналист
Буткевич Любовь Алексеевна	старшина медицинской службы полевого подвижного госпиталя № 5148 38-й армии 1 Украинского фронта, медсестра медицинской службы при Пермском областном управлении внутренних дел, сборщица Пермского телефонного завода, рабкор
Дворсон Людмила Григорьевна	ученица 9 класса станицы Тахты Дмитриевского района Орджоникидзевского (ныне Ставропольского) края, секретарь комитета комсомола промколонии, г. Кунгур, заслуженный работник культуры РСФСР, Почетный гражданин города Перми
Державин Альфред Алексеевич	ученик школы ФЗО, пос. Ераничи, г.Молотов, слесарь цеха № 38 завода им. И.В. Сталина, с 1953 г. партийный работник и журналист
Кузнецов Григорий Леонтьевич	«сын полка», воспитанник духового музыкального взвода 271 стрелкового полка 17 мотострелковой краснознаменной дивизии, доцент, кандидат исторических наук

Матвейчук Александр Яковлевич	«сын полка», рядовой 1-го гвардейского кавалерийского казачьего полка, полковник в отставке
Немченко Тамара Ивановна	младший лейтенант медицинской службы инфекционного госпиталя 1 Украинского фронта Центральной группы войск
Николаева (Вшивкова) Тамара Иосифовна	ученица РУ № 1, г.Молотов, представительница семейной династии Вшивковых, инженер, ведущий специалист завода Промсвязь, награждена орденом «Знак Почета»
Носкова (Шардакова) Мария Афиногеновна	приемщица отдела технического контроля Ворошиловградского эвакуированного завода в поселок Зюкайка Верещагинского района Молотовской (Пермской) области
Осипова (Иевлева) Эльвира Александровна	узница концлагерей (Равенсбрюк, Бухенвальд), после войны старшая пионервожатая, преподаватель средней школы г. Пружаны, с 1967 г. на преподавательской работе в г. Перми, отличник народного образования Белоруссии
Перебатов Владимир Иванович	спекальщик Мотовилихинского завода, диктор Пермского областного радио, заслуженный работник культуры РСФСР
Петухов Михаил Александрович	ученик РУ № 1, г. Молотов, бригадир комсомольско-молодежной фронтовой бригады им. Героя Советского Союза Ю. Смирнова, главный архитектор г. Кирова, гл. архитектор института «Гипромашпром», г. Пермь
Пивоварова Фрида Ароновна	телефонистка магистральных связей, техник, сменный инженер Молотовского телеграфа
Рябухина Фанна Ивановна	ученица Осинской средней школы, учительница школы № 9, г. Пермь, отличник народного образования, депутат Пермского городского Совета народных депутатов

Светлаков Вадим Григорьевич	зам. начальника научно-издательского отдела Государственного областного учреждения «Государственный архив Пермской области», кандидат исторических наук
Сергеева (Плешкова) Ирина Анатольевна	ученица школы № 7, преподаватель Пермского культурно-просветительного училища
Спешилова Елена Александровна	ученица средней школы № 21, г. Молотов (Пермь), краевед, автор книги «Старая Пермь»
Степанов Михаил Николаевич	Студент Свердловского горного института, доцент, кандидат географических наук, председатель Пермского городского отделения ВООПИК
Субботина Марта Вадимовна	учащаяся РУ № 31 (специализированного ремесленного училища авиационников), г. Молотов, учитель начальной школы, награждена значком ЦК ВЛКСМ «Лучшему водителю», директор Пермского областного Дома работников просвещения
Сумбайкина Ангелина Николаевна	Сборщица цеха № 7 завода им. Ф.Э. Дзержинского, контролер бюро контроля переводов, преподаватель торгового техникума, г. Пермь
Тарунина (Красильникова) Людмила Борисовна	ученица 1 класса школы № 1 Пермской железной дороги, г. Пермь, конструктор ракетной техники, возглавляет Пермский городской клуб интеллигенции
Уточкина Анна Федоровна	старшая пионервожатая Космодемьянской средней школы, старший бухгалтер МТС, заведующая торговым отделом Карагайского райисполкома Молотовской области, профессиональный партийный работник, 2-й секретарь Карагайского райкома КПСС
Федотова Людмила Борисовна	ученица средней школы № 47, г. Молотов, заслуженный учитель РСФСР, отличник профтехобразования СССР

Чупин
Сергей
Александрович

ученик школы № 3 Пермской железной дороги,
студент авиатехникума, технолог завода им. И.
В. Сталина

Щербенева (Тишина)
Людмила
Ивановна

узница лагеря Озаричи, председатель Перм-
ской областной организации «Союз бывших
малолетних узников фашистских concentra-
ционных лагерей», студентка Соликамского
медицинского училища, фельдшер Пермского
района, педиатр детской поликлиники № 10 г.
Перми, отличник здравоохранения РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

В.Г. Светлаков Война глазами женщин и детей	3
А.Я. Матвейчук По дорогам войны с двенадцати лет	8
Г.Л. Кузнецов Штрихи моей биографии военной поры	9
Т.И. Немченко Фронтовые дороги фельдшера	10
Е.В. Бровкина (Живаева) Эх, путь-дорожка, фронтовая...	13
Л.И. Щербенева (Тишина) У войны не детское лицо	15
Э.А. Осипова (Ивлева) Воспоминания о той страшной войне	16
Л.Г. Дворсон Нас позвала Родина-мать	21
Н.Д. Аленчикова Начало войны и жизнь в эвакуации. Воспоминания московской школьницы	23
М.В. Субботина Вспоминая о войне	29
А.А. Державин Память военных лет	30
А.Н. Сумбайкина О трудовых буднях в 1941-1942 годах	32
Ф.А. Пивоварова Вспоминая военные годы	34
С.А. Чупин Взросление моего поколения проходило на глазах	36

М.А. Петухов След войны в моей памяти	38
Т.И. Николаева (Вшивкова) Память о войне живет со мной	42
В.И. Перебатов Моя юность пришлась на годы войны	43
М.Н. Степанов Будни тыла в сельской глубинке	45
Е.З. Болтачева Победу встретила в Оханске	48
М.А. Носкова (Шардакова) День Победы приближали, как могли	51
А.Ф. Уточкина Подобная доля была у многих женщин	52
Л.В. Бусалаев Повзрослели... до поры	55
И.А. Сергеева (Плешкова) Школьные годы, опаленные войной	59
Е.А. Спешилова Портрет писателей военных лет глазами школьницы	63
Л.Б. Федотова Детство, опаленное войной	68
Ф.И. Рябухина Память нашего поколения начинается войной	71
Л.Б. Тарунина (Красильникова) Из воспоминаний детства военного времени	73
Л.А. Буткевич Моя семья в годы войны	74
Сведения об авторах	76

**Компьютерная верстка:
Н.А. Шаманова**

**© Государственное областное учреждение
«Государственный архив Пермской области»
ул. Студенческая, 36, г. Пермь, 614070
E-mail: hisarchive@psu.ru
Адрес в сети Internet: www.archive.perm.ru
Тираж 100 экз.**

